

Дж. Р. Р. Толкин

ХОББИТ,

или

Туда и обратно

Иллюстрации Дениса Гордеева

Джон Толкин
Хоббит, или Туда и Обратно

«Издательство АСТ»

1937

УДК 821.111-312.9
ББК 84(4Вел)-44

Толкин Д. Р.

Хоббит, или Туда и Обратно / Д. Р. Толкин — «Издательство АСТ», 1937

ISBN 978-5-17-116759-2

Для читателей во всем мире «Хоббит» – это первое знакомство с прекрасным миром Средиземья, населенного эльфами, магами, гномами, драконами и другими удивительными созданиями, которые встречаются нас на страницах культовой трилогии «Властелин колец». «Хоббит» в переводе Марии Каменкович и Сергея Степанова, с иллюстрациями Дениса Гордеева – настоящее произведение искусства, сочетающее волшебство слова и рисунка.

УДК 821.111-312.9

ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-17-116759-2

© Толкин Д. Р., 1937

© Издательство АСТ, 1937

Содержание

Глава I. Незваные гости	8
Глава II. Жареный барашек	24
Глава III. Короткий отдых	35
Глава IV. В Гору и под Гору	42
Глава V. Загадки во мраке	50
Конец ознакомительного фрагмента.	63

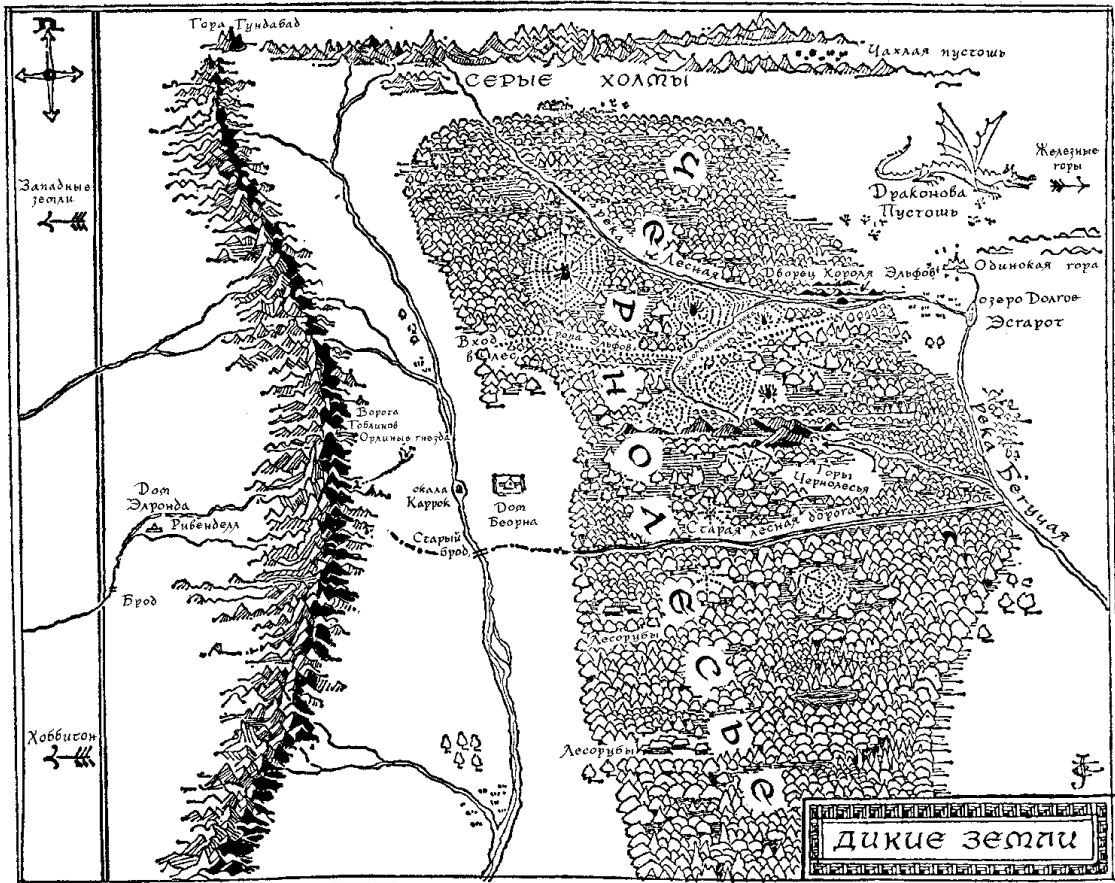
Джон Рональд Руэл Толкин

Хоббит, или Туда и Обратно

John Ronald Reuel Tolkien
The Hobbit or There and Back Again

© The J. R. R. Tolkien Copyright Trust 1937, 1951, 1966, 1978, 1995, 1997
© М. Каменкович, С. Степанов, перевод на русский язык
© М. Каменкович, В. Каррик, комментарии
© Д. Гордеев, художественное оформление, иллюстрации
© ООО «Издательство АСТ»

Глава I. Незваные гости

В глубокой норе жил-был хоббит*. Разумеется, не в грязной сырой норе, где из стен лезут червяки и дурно пахнет, но и не в сухой песчаной норе, где шаром покати и не на чем даже посидеть, не говоря уже о том, чтобы чем-нибудь подкрепиться. Вовсе нет! То была настоящая хоббичья нора, а это значит – очень и очень уютная.

Круглая входная дверь была выкрашена в зеленый цвет, и точь-в-точь посередине блестяла круглая латунная ручка. От входной двери начиналась прихожая – этаким туннельчик, точнее, труба, но очень симпатичная и безо всякого там дыма. Стены были обшиты деревянными панелями, на полу – паркет и коврики; здесь же стояли полированные стулья и великое множество вешалок для шляп и плащей – дело в том, что хоббит любил гостей. Туннель шел не прямо, а все поворачивал и поворачивал, уходя в глубину холма, который на много миль в округе все так и называли Холмом. И отнюдь не единственная круглая дверка распахивалась с рассветом на его склонах – сначала на одном, а потом и на другом... Бегать вверх-вниз по лестницам хоббиты не любят, поэтому спальни, ванны, погреб, кладовки (их было много!), гардеробные (для одной только одежды у этого хоббита предназначалось несколько комнат!), кухоньки, гостиные – все это находилось на одном этаже, а если сказать точнее, было доступно из главного коридора. По левую руку от входа располагались самые лучшие комнаты, ибо только они имели окошки – глубоко сидящие круглые окошки, выходившие в сад и на луговину, которая шла по склону до самой речки.

Надо сказать, что хоббит этот был довольно зажиточный, а фамилия его была Бэггинс*. С незапамятных времен жили Бэггинсы в окрестностях Холма и во все времена пользовались всеобщим уважением – не только потому, что в большинстве своем были богаты, но и потому, что никогда не впутывались ни в какие приключения и никаких неожиданностей от них ждать не приходилось. Заранее можно было сказать, что ответит Бэггинс на любой вопрос, и даже не трудиться спрашивать. Но эта история как раз о том, как с Бэггинсом вышло приключение и как он стал вытворять вещи совершенно неожиданные. Этот Бэггинс, возможно, потерял уважение соседей, зато снискал... Впрочем, снискал ли он хоть что-нибудь, вы узнаете только в самом конце.

Матерью этого самого хоббита... Впрочем, вы уже, конечно, вправе спросить, что собой представляют хоббиты. Думается, несколько слов о них сказать следует, поскольку теперь, помимо того, что и вообще-то хоббитов осталось на свете совсем мало, они еще и прячутся от Больших – так они называют нас с вами. Но и в прежние времена они были народцем весьма малочисленным. Росту в них – половина нашего, они даже меньше бородачей-гномов. Кстати, борода у хоббитов не растет. Ничего волшебного в хоббитах нет, не считая, конечно, одного – обиходного, так сказать – волшебства, которое помогает им мгновенно скрываться из виду, когда большие, неуклюжие существа вроде нас с вами с грохотом и топотом ломаются навстречу, словно слоны. А слышат нас хоббиты за целую милю. Они склонны к полноте, одеваются в яркие цвета, предпочитая желтый и зеленый, а вот обуви не носят вовсе, поскольку от природы на подошвах у них кожа толстая, как хорошая подметка; волосы на голове у них курчавые, равно как и бурая шерстка на ногах, густая и теплая. У хоббитов ловкие, подвижные пальцы, добродушные лица и сочный, заразительный смех (особенно после обеда, который они имеют обыкновение устраивать по два раза на дню, – если, разумеется, ничто не помешает). Ну вот, теперь вы знаете достаточно и мы можем двигаться дальше. Я уже обмолвился, что матерью этого хоббита (я имею в виду Бильбо* Бэггинса) была легендарная Белладонна Тукк, одна из трех достойных дочерей Старого Тукка, главы клана хоббитов, что жили по ту сторону Реки, – так называлась небольшая речка у подножия Холма. Хоббиты (разумеется, из других кланов!) поговаривали, что когда-то давным-давно кто-то из Тукков женился на фее*. Разумеется, все

это только сплетни*, но, как бы то ни было, чувствовалось в Тукках что-то не совсем хоббичье, и время от времени кто-нибудь из них пускался в путешествие, в котором не обходилось без приключений. Исчезали они обычно без особого шума, а родственники тщательно скрывали их отсутствие. Но факт остается фактом – Тукков уважали куда меньше Бэггинсов, несмотря на то что, безо всякого сомнения, Тукки были богаче.

Едва ли можно утверждать, что после того, как Белладонна Тукк вышла замуж за Банго Бэггинса*, с ними что-то этакое приключилось, – пожалуй, нет. Банго Бэггинс, отец Бильбо, отгрохал для своей супруги (правда, частично на ее средства) роскошную хоббичью нору, какой не сыскать было ни ниже, ни выше по Холму, ни даже по ту сторону Реки, – нору, в которой они и прожили до конца своих дней. Тем не менее не исключено, что их единственный сын Бильбо, который, хотя и был внешностью и характером точной копией своего уравновешенного и рассудительного отца, унаследовал кое-что и по линии Тукков – нечто такое, что ждало только случая, чтобы всплыть на поверхность. Однако случая все не подворачивалось – до тех самых пор, пока Бильбо не стал совсем взрослым (ему было уже около пятидесяти) и, прочно обосновавшись в обустроенной отцом отличной хоббичьей норе, которую я вам только что описал, не остепенился, как всем казалось, окончательно и бесповоротно.

Как-то утром, много-много лет назад, когда шума в мире было поменьше, а трава была зеленей, и хоббитов было еще довольно много, и жили они припеваючи, – Бильбо Бэггинс стоял у входа в свою нору и посасывал после завтрака длинную деревянную трубку, которая едва не доставала до его поросших шерсткой лодыжек (кстати, тщательно причесанных), – и тут ни с того ни с сего явился Гэндальф*. Да-да, Гэндальф! Если бы вы слышали хотя бы четвертую часть из того, что слыхивал о нем я, а слыхивал я разве малую толику того, что о нем говорилось, вы бы наверняка уже приготовились к какой-нибудь замечательной истории. Истории и приключения, причем свойства самого необыкновенного, следовали за ним по пятам. Целую вечность не появлялся Гэндальф в окрестностях Холма. Пожалуй, с тех самых пор, как умер его давний приятель Старый Тукк. Так что хоббиты едва и помнили, как он выглядит. Ведь Гэндальф ушел за Холм и за Реку по своим делам еще в те времена, когда теперешние хоббиты-старожилы под стол пешком ходили.

Старик и посох – вот все, что ничего не подозревавший Бильбо увидел перед собой в то достопамятное утро. На старике была синяя остроконечная шляпа, длинный серый плащ и серебристый шарф, а его седая борода свисала ниже пояса. Обут он был в огромные черные сапоги.

– Доброе утро! – приветствовал его Бильбо, ничего другого не имея в виду. Светило солнышко, и трава была зеленей зеленого.

– Что ты имеешь в виду? – спросил Гэндальф, лукаво глядя на Бильбо из-под косматых бровей, выдававшихся даже за широкие поля его шляпы. – Ты просто желаешь мне доброго утра или говоришь, что утро доброе вообще, хочу я того или нет? Или что нынче утром ты пребываешь в добром здравии? Или что это утро доброе во всех отношениях?

– Да все вместе! – ответил Бильбо. – А кроме того – что таким чудесным утром хорошо выкурить трубочку на пороге своего дома! Если ваша трубка при вас, присаживайтесь и отведайте моего табачку. Спешить-то ведь некуда – целый день впереди!

Бильбо сел на лавочку у двери, закинул ногу на ногу и выпустил отличное колечко серого дыма, которое поднялось в небо и целехоньким поплыло куда-то за Холм.

– Славно! – сказал Гэндальф. – Однако нынче утром мне недосуг пускать колечки. Я ищу спутников для одного приключения, да что-то никак не получается.

– И вряд ли получится! По крайней мере в наших местах. Мы народ тихий и пользы в приключениях не видим. Одна морока с ними! Из-за них иной раз и к обеду опоздать можно! Ума не приложу, что такого находят в этих приключениях? – сказал наш хоббит и, засунув большой палец за лямку штанов, выпустил еще одно колечко, побольше.

Затем он принялся просматривать утреннюю почту, всем своим видом показывая, что старик его больше не интересуется. Хоббит пришел к выводу, что они друг другу не очень-то подходят, и хотел, чтобы гость поскорее откланялся. Но старик не двигался с места. Опершись на палку, он молча стоял и пристально смотрел на хоббита, покуда тот не почувствовал себя настолько неудобно, что даже немножко рассердился.

– Доброе утро! – вымолвил он наконец. – Благодарю вас! Нам тут никакие приключения не надобны. Лучше бы вам сходить куда-нибудь за Холм или за Реку.

Хоббит ясно давал понять, что на этом разговор окончен.

– Сколько же у тебя этих твоих «Доброе утро!»? – усмехнулся Гэндальф. – На этот раз оно, видимо, означает, что тебе не терпится отделаться от меня и что это утро не будет добрым до тех пор, пока я не уберусь подальше.

– Что вы, что вы, уважаемый! Извините, но что-то я не припоминаю вашего имени!

– Да уж вижу, уважаемый! Но я-то тебя отлично знаю, Бильбо Бэггинс! Да и мое имя тебе неизвестно, хотя ты и не признал меня. Я Гэндальф! И Гэндальф – не кто иной, как я! Подумать только, до чего я дожил! Сынок Белладонны Тукк спрашивает меня с порога своими «Доброе утро!», словно я какой-нибудь жалкий торговец пуговицами!

– Гэндальф?! Гэндальф! Вот это да! Уж не тот ли вы странствующий волшебник, что подарил Старому Тукку волшебные алмазные запонки, которые вдеваются сами, а расстегиваются только по команде? Не тот ли, что рассказывал на вечеринках столько чудесных историй о драконах и гоблинах, о великанах, о спасении принцесс и о том, как везет иногда бедным сиротам? Не тот ли, что снаряжал такие великолепные фейерверки? Я их еще помню! Старый Тукк обычно устраивал их в канун Преполовления Лета*. Это было восхитительно! Ракеты взлетали в небо, словно огромные огненные цветы – лилии, львиный зев, астры, – и держались там весь вечер!

Вы, наверное, уже поняли, что Бильбо Бэггинс был, в общем-то, не таким занудой, каким мог показаться с первого взгляда, и что к цветам он был весьма неравнодушен.

– Вот здорово! – не унимался Бильбо. – Не тот ли вы Гэндальф, который подбил столько наших мальчишек и девчонок очертя голову ринуться навстречу сумасшедшим приключениям – лазать на деревья в гости к эльфам, ходить под парусами к далеким берегам... Все это так заманчи... Я хотел сказать, здорово вы умели всех тут переполошить! Прошу прощения, но я даже подумать не мог, что вы продолжаете заниматься подобными делами!

– Чем же мне еще прикажешь заниматься? – серьезно спросил волшебник. – Как бы то ни было, я рад удостовериться, что кое-что обо мне ты еще помнишь. Во всяком случае, ты вроде бы помянул добрым словом мои фейерверки. Значит, не все еще потеряно! Так и быть! Ради твоего достойного деда Тукка и незабвенной Белладонны я дам тебе то, чего ты так просишь!

– Прошу прощения, но я вообще-то ничего не просил!

– Нет, просил! Только что, а теперь уже и дважды! Моего прощения. Получай его! И даже больше – я таки отправлю тебя в это приключение. Мне забава, а тебе польза – да к тому же, очень может статься, что и выгода! Если, конечно, ты вернешься...

– Благодарю покорно, увольте! Не желаю я никаких приключений! Во всяком случае, не сегодня. Доброе утро! Однако заходите на чай, когда вам будет угодно. Отчего бы и не завтра? Приходите завтра! Всего доброго!

С этими словами хоббит повернулся и со всей возможной поспешностью скрылся за круглой зеленой дверью, захлопнув ее за собой настолько быстро, насколько это было, по его разумению, прилично. Что ни говори, а волшебники – они и есть волшебники.

«И зачем это я позвал его на чай, ума не приложу!» – подумал хоббит, направляясь в кладовку. И хотя он только что позавтракал, пирожок-другой и чашечка чаю после всего этого беспокойства показались ему совсем не лишними.

Тем временем Гэндальф все еще стоял перед зеленой дверью и тихонько посмеивался. Затем он подошел ближе и прямо по зеленой краске нацарапал концом посоха какой-то непонятный знак. И в тот самый миг, когда Бильбо, управившись со вторым пирожком, начал подумывать, что очень ловко отделался от приключений, – в этот самый миг Гэндальф повернулся и зашагал прочь.

На следующий день хоббит и думать забыл о Гэндальфе. Он никогда не помнил того, чего не записывал в Книгу Приглашений, – ну, что-нибудь вроде: «Гэндальф. Чай. Среда». А на этот раз он так переволновался, что ему было не до записей.

Была уже самая пора садиться пить чай, как вдруг раздался оглушительный звон дверного колокольчика. Тут-то хоббит и вспомнил! Он засуетился, быстро поставил чайник на огонь, принес вторую чашку с блюдцем, еще несколько пирожков и побежал открывать.

«Простите, что заставил вас ждать!» – собирался сказать хоббит, но обнаружил, что перед ним вовсе не Гэндальф, а гном* с голубой бородой и ясными глазами, блестящими из-под темно-зеленого капюшона. Не успела дверь по-настоящему открыться, как гном прошмыгнул внутрь, словно только его здесь и ждали. Он повесил плащ и капюшон на вешалку* и, низко поклонившись, сказал:

– Двалин*, к вашим услугам!

– Бильбо Бэггинс, ваш покорный слуга! – поклонился хоббит, слишком ошарашенный, чтобы задавать вопросы. Когда наступившая пауза стала казаться ему неприличной, он добавил: – Я как раз собирался пить чай! Так что милости прошу, присоединяйтесь!

Вышло это, правда, несколько неловко, но хоббит решил, что и так сойдет. Да и как прикажете себя вести, когда без всякого приглашения является к вам какой-то гном и, ни слова не говоря, вешает свой плащ у вас в прихожей?!

Надо сказать, что недолго чаевничали они с глазу на глаз. Не успели они добраться до третьего пирожка, как колокольчик загремел пуще прежнего.

– Прошу прощения! – поперхнулся хоббит и удалился в прихожую.

«Ну вот наконец и вы!» – приготовил он на этот раз. Но это был опять не Гэндальф! Вместо волшебника Бильбо увидел на пороге старого седобородого гнома в ярко-красном капюшоне. Подобно первому, этот гном прошмыгнул в едва открывшуюся дверь, словно и его тут ждали.

– Уже собираются, – одобрительно заявил гном, увидев на вешалке зеленый капюшон Двалина.

Он повесил свой красный капюшон рядом и, прижав ладонь к груди, произнес:

– Балин, к вашим услугам!

– Благодарю! – выдал из себя Бильбо. Конечно, это вышло как-то не попад, но слова «уже собираются» весьма озадачили его. Не то чтобы Бильбо не любил гостей, совсем наоборот! Но он привык знакомиться с ними до того, как они придут к нему в дом, и, кроме того, предпочитал приглашать гостей самостоятельно. Хоббит с ужасом подумал, что пирожков может не хватить и он как хозяин дома рискует опростоволоситься. Он знал свой долг гостеприимства и готов был стоически вынести все налагаемые этим долгом тяготы – даже если бы пришлось отказаться от пирожка самому.

– Пожалуйста пить чай! – с трудом произнес хоббит после глубокого вдоха.

– Если можно, я предпочел бы кружечку пива, – сказал седобородый Балин. – И не откажется бы от коврижки, тминной коврижки, если найдется.

– Сколько вашей душе угодно!

К своему удивлению, Бильбо был еще способен отвечать, но удивился еще больше, когда обнаружил, что бежит в погреб за баклагой с пивом и в кладовку за двумя соблазнительного вида тминными коврижками, которые он испек нынче утром, чтобы было чем перекусить после ужина.

Когда он вернулся, Балин и Двалин, словно старые друзья (а были они на самом деле братьями!), сидели за столом и вели беседу. Едва Бильбо поставил перед ними пиво и коврижки, как снова загремел колокольчик, а потом еще раз.

«Ну, это уж точно Гэндальф!» – решил хоббит, метнувшись в коридор.

Как бы не так! Еще два гнома – желтобородые, в синих капюшонах, с серебряными поясами! И у каждого – по котомке с инструментами и по лопате. Едва дверь отворилась, они прошмыгнули внутрь, но Бильбо уже ничему не удивлялся.

– Чем могу служить, уважаемые гномы? – спросил он.

– Кили, к вашим услугам! – произнес один из гномов.

– И Фили! – добавил другой.

Оба сняли капюшоны и поклонились.

– Ваш покорный слуга! И всех ваших близких! – раскланялся Бильбо, вспомнив на этот раз о хороших манерах.

– Как я погляжу, Балин и Двалин уже здесь! – обрадовался Кили. – Пошли туда, в общую кучу!

«Куча! – подумал Бильбо. – Это мне уже не нравится! Нужно минуточку посидеть и собраться с мыслями. И выпить чего-нибудь».

Однако едва хоббит, забившись в уголок, сделал пару глотков – а четверо гномов тем временем сидели вокруг стола и вели разговоры о копях, о золоте, о стычках с гоблинами, о налетах каких-то драконов и о многом-многом другом, чего он не понимал, да и не желал понимать, потому что все это сильно смахивало на приключения, – снова зазвонил колокольчик: «Диндон! А-лин-дан!» – словно какой-то проказливый хоббитенок задумал оборвать шнурок.

– Еще один... – пробормотал хоббит, беспомощно хлопая глазами.

– Судя по звону, не один, а четверо, – уточнил Фили. – Мы вообще-то видели, как они шли сюда, только мы их немного обогнали.

Бедняга хоббит так и сел в прихожей и закрыл лицо руками, теряясь в догадках: что же это такое, и что же это такое будет, и не собирается ли вся эта «куча» остаться на ужин? Но тут колокольчик снова загремел, да так громко, что хоббиту не оставалось ничего другого, как поспешно открыть дверь. Там было даже не четверо, а пятеро! Пятый подоспел, куда хоббит раздумывал в прихожей. Едва Бильбо повернул ручку, как пятеро гномов ввалились в дом, кланяясь и по очереди произнося неизменное «К вашим услугам!». Звали их Дори, Нори, Ори, Оин и Глоин. Минуты не прошло, как два пурпурных капюшона, равно как серый, коричневый и белый, уже висели на вешалке, а гномы, подтянув крепкими руками золотые и серебряные пояса, прошествовали в столовую. Это была уже настоящая «куча»! Одни гномы просили принести пива, другие – вина, нашелся даже один любитель кофе, а от коврижек не отказался никто. Так что некоторое время хоббит был очень занят по хозяйству.

Когда на огонь был поставлен большой кофейник, а от тминных коврижек остались одни воспоминания, так что гномы принялись за ячменные лепешки с маслом, раздался громкий стук. Нет, не звон колокольчика, а тяжелые удары в замечательную зеленую дверь. По ней колотили палкой!

Бильбо, возмущенный до глубины души, сломя голову бросился в коридор. В жизни еще не было у него такой ужасной среды! Он рванул на себя дверь – и пришедшие ввалились в прихожую и попадали друг на друга. Еще гномы! Четверо! А следом, опираясь на посох, вошел смеющийся Гэндальф. От ударов его посоха на зеленой двери появилась здоровенная вмятина, не оставившая и следа от нацарапанного прошлым утром тайного знака.

– Эй, полегче там! – крикнул Гэндальф. – Бильбо! На тебя это совсем не похоже! Заставляешь друзей ждать на пороге, а потом срываешь дверь с петель! Позволь представить тебе Бифура, Бофура, Бомбура и отдельно – Торина!

– К вашим услугам! – выпалили Бифур, Бофур и Бомбур, стоя плечом к плечу. Затем они повесили на вешалку свои капюшоны – два желтых и один зеленый, а также небесно-голубой с длинной серебристой кисточкой. То был капюшон Торина, гнома, державшегося с исключительным достоинством. Да-да! Это был тот самый знаменитый Торин Дубошит! И, стоит заметить, ему не очень-то понравилось барахтаться на коврике для вытирания ног в одной куче с Бифуром, Бофуром и Бомбуром в придачу. А Бомбур, надо сказать, был гномом весьма тучным и тяжелым. Торин держался надменно и даже не стал упоминать об «услугах», однако несчастный господин Бэггинс столько раз извинился, что гном, проворчав наконец: «Ничего, ничего!» – перестал хмуриться.

– Ну вот, все и в сборе! – сказал Гэндальф, глядя на висящие в ряд тринадцать капюшонов – выходных капюшонов на застежках – и на свою собственную синюю шляпу. – Веселенькая компания! Надеюсь, опоздавшим еще осталось что-нибудь поесть и выпить! Что это? Чай?! Нет, благодарю покорно. Лучше, пожалуй, стаканчик красного вина!

– Мне тоже, – сухо добавил Торин.

– А еще малинового джема и яблочного пирога! – добавил Бифур.

– А еще печенья с миндалем и сыру! – добавил Бофур.

– А еще пирога со свининой и салату! – добавил Бомбур.

– А еще пирожков, пива и кофе! И побольше! – закричали гномы из столовой.

– И потрудись принести яиц! – крикнул Гэндальф вдогонку хоббиту, бросившемуся в кладовую. – Да не забудь холодного цыпленка и маринованных огурчиков!

«Похоже, содержимое моих кладовок ему известно не хуже моего», – в замешательстве подумал Бильбо, начиная сильно подозревать, что ему на голову свалилось приключение – причем отвратительнейшее из всех возможных. Расставляя на больших подносах бутылки, стаканы, тарелки, раскладывая ложки, вилки и ножи, Бильбо совсем упарился.

– Чтоб им лопнуть, этим гномам! – пробормотал хоббит себе под нос. – Нет чтобы помочь!

И что бы вы думали? На пороге кухни тут же появились Балин и Двалин, а за спиной у них Кили с Фили! Бильбо глазом не успел моргнуть, как гномы унесли подносы в столовую, прихватив к тому же два небольших столика, и все там расставили.

Тринадцать гномов расселись вокруг стола с Гэндальфом во главе. А Бильбо, примостившись на стульчике у камина, без всякого энтузиазма грыз сухарик (аппетит у него совсем пропал!) и пытался делать вид, что все так и задумано и никаким приключением тут и не пахнет. Гномы всё ели и ели, говорили и говорили, а время шло и шло. Наконец один за другим они стали откидываться на спинки стульев, и Бильбо принялся собирать со стола посуду.

– Надеюсь, вы все останетесь у меня до ужина, – сказал он самым вежливым и неприкрытым тоном.

– Ну разумеется! – ответил за всех Торин. – И после ужина тоже! До темноты нам с делами не управиться, а ведь сперва нужно послушать музыку. А ну-ка, приберите тут!

В ту же минуту двенадцать гномов, за исключением надменного Торина, оставшегося за столом беседовать с Гэндальфом, повскакивали с мест и, собрав посуду в высокие стопки, стали выносить ее без всяких подносов, балансируя на одной руке шаткими сооружениями, каждое из которых венчала бутылка. Хоббиту оставалось только бегать за ними и с ужасом приговаривать: «Осторожнее, стекло!» и «Не стоит беспокоиться, я сам!». Но гномы, не обращая на него ни малейшего внимания, начали петь:

Бей узорное стекло!
Гни серебряные вилки!
Бильбо Бэггинсу назло
Опрокинь его бутылки!

Лей по скатерти вино!
На пол все тарелки бухни!
Ляпни жирное пятно!
Кости разбросай по кухне!

С мылом мой и тряпкой три!
Не беда, что всё побили!
Что осталось, посмотри?
Может, что-нибудь забыли?!
Бильбо Бэггину назло!
Осторожнее, стекло!!!

Ну конечно, ничего такого гномы не учинили, и, покуда Бильбо метался по кухне и чуть не свернул себе шею, пытаясь проследить сразу за всеми, все было в два счета убрано, вымыто и расставлено по местам, причем в целости и сохранности. Затем все возвратились в столовую. Торин сидел, положив ноги на каминную решетку, и курил трубку. Он пускал невероятных размеров кольца дыма, и по его команде они перемещались по комнате, куда он приказывал – то к камину, то к стенным часам, то под стол, то под потолок. Но куда бы ни улетали кольца Торина, всюду их настигал Гэндальф! Пуф-ф! И маленькое колечко из его глиняной трубки проскакивало точно через кольцо Торина. Потом Гэндальфово колечко начинало зеленеть, возвращалось и зависало над головой волшебника. Над ним уже сгустилось целое облако, и при сумеречном свете в облике Гэндальфа и в самом деле появилось нечто волшебное. Бильбо застыл пораженный – колечки пускать он и сам любил, но тут ему стало стыдно за то, с какой гордостью он предавался этому занятию вчера утром, пуская колечки на ветер, который уносил их за Холм.

– А теперь послушаем музыку! – сказал Торин. – Принесите инструменты!

Кили с Фили кинулись к своим котомкам и достали оттуда маленькие скрипки. Дори, Нори и Ори извлекли откуда-то из курток флейты. Бомбур притащил из прихожей барабан. Бифур и Бофур тоже вышли и вернулись с кларнетами, которые оставили в прихожей, в стойке для тросточек.

– Ох! – хором выдохнули Балин и Двалин. – У нас всё на крыльце!

– Несите! А заодно и мою арфу! – велел им Торин.

Гномы вернулись в столовую с двумя виолами размером с них самих, а также с арфой Торина, завернутой в зеленое сукно. Это была красивая золотая арфа, и, когда Торин провел рукой по струнам, полилась музыка, да такая необычная и приятная, что Бильбо позабыл все на свете и унесся мыслями в загадочные страны под чужими звездами, далеко за Реку, далеко-далеко от его хоббичьей норы под Холмом*.

Через маленькое открытое окошко в столовую сочилась тьма, камин догорал (дело было в апреле), а гномы все играли, покуда тень от бороды Гэндальфа не доползла до стены.

В комнате стало совсем темно, камин потух, тени исчезли, а гномы все играли. И вдруг – сначала один, а затем и остальные – гномы начали петь. То была протяжная песнь о глубоких подземельях их древней родины. Вот маленький отрывок из этой песни, хотя без музыки он дает о ней лишь отдаленное представление:

Там, за туманных гор хребтом,
В пещерах наш подземный дом.
Чуть рассветет, и мы в поход
Уйдем за древним золотом!

Там молот гномов не молчал
В глубоком мраке гулких зал,
Где жили мы в объятьях тьмы, —
И каждый золото ковал.

Людей и эльфов короли
За золотом к пещерам шли,
Чтоб рукоять меча убрать
Плененным пламенем земли,

Плененным пламенем лучей
Луны и звезд иных ночей —
Волшебный сплав драконьих лав
Шел на узоры для мечей.

Шли короли со всех сторон,
Ища рубинов для корон,
Чтоб лить окрест сиянье звезд,
Всходя на свой высокий трон!

Там, за туманных гор хребтом,
В пещерах наш богатый дом.
Чуть рассветет, и мы в поход
Уйдем за нашим золотом!

Там пели гномы при свечах,
Куя узоры на мечях, —
И в сердце жал огонь пылал
У них в негаснущих печах.

Чужой не знает до сих пор,
О чем та песнь, о чем тот хор, —
Вовек ни эльф, ни человек
Не проникал в чертоги гор.

Но, распластав свои крыла,
Несчастье буря принесла:
Упал на лес огонь с небес —
И сосны выжжены дотла!

В долине колокольный звон,
На город двинулся дракон,*
Свиреп и лют – и гибнет люд,
В руины город превращен!

Дымится черная гора
И входа черная дыра.
Последний гном покинул дом —

Настала черная пора.

Там, за туманных гор грядой,
В пещерах жили мы с тобой.
Чуть рассветет, уйдем в поход
За наше золото на бой!

Пока они пели, хоббит почувствовал, что сам проникается любовью к прекрасным вещам, созданным искусными руками, и не без волшебства, – любовью сильной и ревностной, всегда жившей в сердце у гномов. И то самое нечто, что унаследовал он по линии Тукков, проснулось в нем, и ему захотелось отправиться в путешествие, увидеть большие горы, услышать шум водопадов и свист ветра в соснах, проникнуть в подземные пещеры и носить меч, а не тросточку. Бильбо посмотрел в окно. Над кронами деревьев высыпали звезды. А хоббиту чудились драгоценные камни, сверкающие в подземных пещерах, о которых пели гномы. В лесу за Рекой неожиданно вспыхнул огонь, – наверное, кто-то разжег костер, – а хоббиту чудилось, что это ужасные драконы спускаются с неба на его тихий Холм и сжигают все на своем пути. Он содрогнулся от страха и тут же стал просто-напросто господином Бэггинсом из Котомки, что под Холмом.

Он встал, дрожа с головы до ног. С одной стороны, он понимал, что пора бы принести лампу, а с другой – его так и подмывало под этим предлогом убежать в погреб, спрятаться за бочками с пивом и не вылезать оттуда, пока эти странные гости не уйдут. Вдруг он обнаружил, что музыка и пение прекратились и гномы, блестя во тьме глазами, смотрят на него.

– Ты куда?! – грозно спросил его Торин.

Хоббиту показалось, что гном угадал его намерение.

– Может, стоит зажечь свечи? – извиняющимся тоном спросил Бильбо.

– Нам нравится тьма! – запротестовали гномы. – Тьма в самый раз для темных дел! До рассвета еще далеко.

– Как вам будет угодно, – стушевался Бильбо и поспешно сел на каминную решетку, зацепив по дороге кочергу и совок, которые с грохотом повалились на пол.

– Тихо! – шикнул на него Гэндальф. – Пусть говорит Торин!

Торин начал так:

– Гэндальф, гномы и достойный господин Бэггинс! Мы собрались в доме нашего друга и полноправного участника заговора, в доме этого выдающегося и исключительно свирепого хоббита. Да не выпадет никогда шерстка на его ногах! И хвала его вину и пиву!

Здесь Торин сделал паузу, чтобы набрать воздуха и дать хоббиту время на изъявление полагающейся в таких случаях признательности. Однако усилиям Торина не суждено было получить должного вознаграждения со стороны Бильбо Бэггинса, который открыл было рот, чтобы выразить протест против эпитета «свирепый» и тем более против «полноправного участника заговора», но от замешательства не издал ни звука. И Торин продолжил:

– Мы собрались обсудить наши планы, пути, а также средства и способы достижения нашей цели. Еще до наступления рассвета мы отправимся в поход – в поход, из которого кое-кто из нас, а может быть, и никто из нас (за исключением, разумеется, нашего друга и наставника – я имею в виду многомудрого волшебника Гэндальфа) никогда не вернется. Запомните этот торжественный момент! Полагаю, цель наша всем вам хорошо известна. Что же касается уважаемого господина Бэггинса, а возможно, и одного-двух молодых гномов (думаю, не ошибусь, если назову, к примеру, Кили и Фили), то для них положение вещей к настоящему времени может потребовать некоторого краткого уточнения.

Торин говорил витиевато, поскольку происходил из весьма высокого рода. Дай ему волю, он мог бы продолжать в том же духе до хрипоты, не сказав при этом ничего, что не было бы всем

известно и без него. Но Торина грубо прервали. Бедный Бильбо не мог больше терпеть. При словах «никогда не вернется» ему захотелось кричать, и он таки крикнул! Это было похоже на гудок паровоза, выходящего из туннеля. Гномы повскакивали с мест, опрокинув стол. Гэндальф заставил верхний конец своего волшебного посоха вспыхнуть синим пламенем – и в этом сиянии на коврике перед камином все увидели несчастного хоббита, который стоял на коленях и трясся мелкой дрожью. И вдруг хоббит рухнул и остался лежать, вскрикивая: «Меня убило молнией! Меня убило молнией!» Довольно долго ничего другого добиться от него не удавалось. Гномы подняли хоббита, отнесли в соседнюю гостиную, положили на диван, поставили рядом стакан с водой и вернулись в столовую – обсуждать свои темные дела.

– Впечатлительный малый! – заметил Гэндальф, когда все снова расселись. – У него бывают припадки, но все же он один из самых достойных, да-да, из самых достойных, и, кроме того, свиреп, как разъяренный дракон!

Тем из вас, кому хотя бы раз в жизни доводилось иметь дело с разъяренным драконом, нет необходимости объяснять, что по отношению к хоббиту такое сравнение является некоторым преувеличением, даже если взять двоюродного прадеда Старого Тукка – Бандобраса Вольтника*, который был настолько могуч (разумеется, для хоббита!), что мог ездить верхом на настоящем коне. В битве при Зеленополье он сражался с гоблинами* и своей дубиной снес голову их предводителю Гольфимбулу*. Голова отлетела на сотню шагов и угодила прямо в кроличью нору. Битва была выиграна, и с того дня ведет свою историю игра в гольф.

Тем временем в гостиную достойный, но куда более слабый духом потомок Вольтника постепенно приходил в себя.

Немного полежав, он выпил воды и, осторожно подкравшись к двери столовой, услышал:

– Фр-р! – это фыркнул Глоин. – А он потянет? Что бы там Гэндальф ни толковал о его свирепости, одного такого крика в решающий момент будет достаточно, чтобы разбудить дракона со всеми его родичами и всех нас погубить. Этот крик напоминает скорее вопль ужаса, чем клич отваги. Кабы не знак на двери, я решил бы, что мы не туда попали. Еще в прихожей, глядя на ужимки этого толстого малого, я сильно засомневался. Он больше смахивает на лавочника, чем на грабителя!

Тут Бильбо открыл дверь и вошел. Тукки в нем взяли верх! Он вдруг почувствовал, что ради прозвища «свирепый» он готов некоторое время обходиться без мягкой постели и даже без завтрака. А что касается «ужимок», то они привели его просто в бешенство. Бэггинсовская его половина не раз потом жалела о содеянном и говорила: «Дурень ты, Бильбо, дурень! Сам же полез на рожон!»

– Простите, что я подслушивал, – сказал он. – Я не вполне разобрался, о чем речь и при чем тут грабители, но, насколько я понимаю, – Бильбо пытался, как он сам называл это, «сохранить лицо», – вы говорите, что я не гожусь. Что ж, судите сами! Можете мне поверить, никаких таких знаков на моей двери нет и не было. Ее красили неделю назад! И попали вы все-таки не туда! Едва увидев ваши потешные лица, я начал сомневаться – не ошиблись ли вы дверью? Но все к лучшему! Скажите, что от меня требуется, и я постараюсь не подвести, даже если мне придется отправиться далеко на Восток и вступить в бой с драконами на какой-нибудь Дальней Пустоши. Моим двоюродным прапрапрадедом был знаменитый Вольтник Тукк и...

– Вольтник давным-давно умер! – оборвал его Глоин. – А я говорю о тебе! Да и знак на двери имеется – недвусмысленный знак профессиональной принадлежности! Во все времена он означал одно: «Профессиональный грабитель*, готовый на все за умеренное вознаграждение». Ну, если угодно, не «грабитель», а «искатель сокровищ». Невелика разница! Гэндальф сказал, что в здешних краях есть большой мастер по этой части и что в среду мы должны собраться у него к чаю...

– Знак на двери, конечно же, имеется, тут и говорить не о чем! – вмешался Гэндальф. – Я сам его и поставил. И имел к этому все основания. Вы просили подобрать для похода четыр-

надцатого участника, и я остановил свой выбор на господине Бэггинсе. А если хоть один из вас скажет, что я выбрал не того и привел вас не туда, вас так и останется тринадцать, число несчастливое, и вам придется либо проверить это обстоятельство на собственной шкуре, либо вернуться в угольные копи!

Тут Гэндальф так грозно посмотрел на Глоина, что гном съежился, а когда Бильбо открыл было рот, собираясь что-то возразить, Гэндальф повернулся к нему и так страшно сдвинул свои густые брови, что у хоббита слова застряли в горле.

– Хватит! – твердо сказал Гэндальф. – Отставить препирательства! Господина Бэггинса выбрал я, и одного этого вам должно быть достаточно! Я сказал грабитель – значит, грабитель! Или станет грабителем в свое время. Вы еще не знаете, на что он способен, да он и сам пока не догадывается. И очень может статься, что вы до конца дней своих будете меня благодарить за мой выбор. А теперь, Бильбо, принеси-ка лампу, а то тут такая тьма, что хоть глаз выколи!

При свете большой лампы с красным абажуром Гэндальф развернул на столе какой-то пергаментный свиток, похожий на карту.

– Эту карту, Торин, сделал твой дед, Трор, – пояснил он разом загомонившим гномам. – Перед вами план Горы!

– Сомневаюсь, что карта нам пригодится, – разочарованно заметил Торин, едва взглянув на карту. – Я и так отлично помню Гору и все прилегающие земли. Знаю я и Чернолесье, и Чахлую Пустошь, где находится логово великих драконов...*

– Дракон тут помечен красным, – вставил Балин, – но мы найдем его и без карты – если, конечно, доберемся туда.

– Одного вы все-таки не заметили, – перебил его Гэндальф, – а именно потайного хода! Обратите внимание на руну в западной части карты* и на стрелку, идущую к ней от других рун. Это потайной ход в Нижние Пещеры.

– Прежде он, может, и был потайным, – возразил Торин. – Но где гарантия, что тайна так и осталась тайной? Старый Смауг* живет там уже достаточно долго и наверняка успел разнюхать все, что только можно.

– Разнюхать-то он мог, но никак не воспользоваться!

– Отчего же?

– Вход слишком узок! Руны гласят: «Вход пяти футов высотой, трое пройдут плечом к плечу». А Смаугу в такую дырку было не пролезть, даже когда он был молодым, а тем более после того, как он сожрал столько гномов и людей из Дейла*.

– По мне, так это целая дырища! – не вытерпел и вмешался в разговор Бильбо, который слабо разбирался в драконах, но зато знал толк в хоббичьих норах.

Он воодушевился, и ему опять стало страшно интересно. Карты он любил, у него самого в прихожей висела большая карта окрестностей Холма, на которой красными чернилами были отмечены любимые маршруты его прогулок.

– И как это можно такую огромную дыру скрыть от кого бы то ни было, исключая разве что дракона? – не унимался Бильбо. Не стоит забывать, что Бильбо был всего-навсего маленьким хоббитом.

– Способов сколько угодно, – ответил Гэндальф, – но какой был выбран на этот раз, сказать заранее трудно. Однако, судя по рисунку на карте, вход закрыт, а дверь замаскирована так, что, не зная секрета, обнаружить ее невозможно. У гномов это дело обычное. Не так ли?

– Верно, – кивнул Торин.

– Кроме того, – продолжал Гэндальф, – я совсем забыл сказать, что к карте приложен ключ, этаким маленький затейливый ключик. Вот он! Не потеряй его! – И Гэндальф вручил Торину довольно длинный серебристый ключ с хитрой бородкой.

– Уж как-нибудь! – сказал Торин и пристегнул ключ к цепочке, что была у него на груди, под курткой. – Дело, похоже, налаживается! Последние события придают ему новый оборот.

До сих пор у нас не было конкретного плана действий. Мы намеревались потихоньку и по возможности скрытно двигаться на восток до самого озера Долгого. А вот дальше должны были встретиться препятствия...

– Насколько я знаю дорогу на восток, препятствия встретятся значительно раньше, – заметил Гэндальф.

– Далее мы собирались подняться по реке Бегучей, – продолжал Торин, не обращая ни малейшего внимания на замечание волшебника, – и дойти до Дейла, древнего города в долине у подножия Горы, однако необходимость идти через Главные Ворота ни в кого из нас не вселяла особого воодушевления. Река вытекает прямо из Ворот, пробитых в скале на южном склоне Горы. Ими-то и пользуется дракон – и очень даже часто, если, разумеется, не изменил своих привычек.

– Без какого-нибудь могучего воина или даже героя тут не справиться, – перебил Торина волшебник. – Я пробовал искать, но, оказывается, все воины заняты битвами друг с другом в далеких странах, а в здешних краях могучие воины редкость, – может, их тут и вовсе нет. Мечи в этих местах большей частью затупились, топорами рубят деревья, а из щитов делают колыбели и крышки для котлов. Драконов здесь никто не опасается, потому что они далеко, да и мало кто верит в само их существование. Вот почему я стал искать грабителя, особенно когда вспомнил о потайном ходе. И вот он перед вами – хоббит Бильбо Бэггинс, грабитель из грабителей! Так что приступим к разработке плана дальнейших действий.

– Вот именно! И думается, профессиональный грабитель должен первым высказать свои соображения. – Торин с издевательским видом поклонился Бильбо.

– Сперва было бы не худо объяснить мне кое-что, – не очень уверенно начал совершенно смущенный Бильбо, хотя Тукки победили в нем уже окончательно. – Я имею в виду все это золото, дракона, и как оно туда попало, и чье оно на самом деле, ну и так далее.

– Горы и камни! – возмутился Торин. – Разве ты не видел карту? Разве не слышал нашу песню? Разве не об этом мы ведем речь все это время?

– Как бы то ни было, все условия должны быть оговорены заранее, – с ударением на каждом слове произнес Бильбо, переходя на деловой тон (каким он обычно говорил с теми, кто просил у него денег в долг) и изо всех сил стараясь проявить расчетливость, благоразумие и соответствующие профессиональные качества, дабы оправдать столь лестную рекомендацию Гэндальфа. – Кроме того, хотелось бы знать заранее, чем я, собственно, рискую, сколько получу на непредвиденные расходы и сколько это займет времени, а также, разумеется, размеры вознаграждения.

На самом деле все это значило: «Что я с этого буду иметь и каковы мои шансы вернуться живым?»

– Хорошо, – согласился Торин. – Много лет назад, когда жив еще был мой дед Трор, его семье пришлось уйти с дальнего Севера со всем своим добром и инструментами. Они возвратились к Горе, что показана на карте. Эту Гору впервые обнаружил еще мой далекий предок, Траин Старый. На этот раз, вернувшись туда, гномы пробили в Горе множество шахт и туннелей, высекли в скалах огромные залы и мастерские, а кроме того, известно, что они нашли там груды золота и великое множество драгоценных камней. Гномы разбогатели и прославились, а мой дед сделался новым Королем-Под-Горой и пользовался большим уважением у смертных людей, которые постепенно расселились по реке Бегучей и в долине к югу от Горы и наконец построили веселый город Дейл. Короли Дейла часто призывали наших умельцев и щедро платили даже не самым искусным из них. И нередко бывало, что люди просили гномов взять их детей в обучение и не скупилась, поставляя нам взамен съестное, – ведь мы никогда не опускались до земледелия и поисков пропитания. Для нас то была пора истинного расцвета, и даже самый бедный гном мог позволить себе тратить деньги не скупясь. А на досуге гномы делали чудесные волшебные игрушки, каких в наши дни уже не встретишь. Дворец Трора был полон

оружия и драгоценных камней, резной скульптуры и великолепной посуды, а рынок игрушек в Дейле был жемчужиной Севера.

Конечно, это не могло не привлечь драконов. Они грабят людей, эльфов и гномов, отбирают у них золото и драгоценные камни, а потом всю свою жизнь (а живут они, считай, вечно, если их не убить!) сидят на груди награбленных сокровищ, не способные понять всей их бесценной красоты. Едва ли драконы могут отличить вещь изящную от безобразной, хотя прекрасно знают, что почем. И ничего они не умеют делать сами – не могут даже закрепить пошатнувшуюся чешуйку на своей броне. Драконов на Севере в те дни было много, а гномов, что добывали золото, становилось все меньше и меньше – одни уходили на Юг, другие гибли в битвах, и положение дел год от году становилось все хуже, пока не наступило полное запустение. Но особой жадностью отличался могучий и свирепый дракон по имени Смауг. В один прекрасный день он взмыл в небо и полетел на юг. Шум, поднятый его крыльями, был подобен грохоту урагана – стволы сосен на склонах Горы ломались, что твои тростиночки. Кое-кому из гномов случилось в то время быть снаружи. На мое счастье, я оказался в их числе, – в те дни еще наивный, жаждущий приключений юноша, я вечно шатался по окрестностям, – это и спасло мне жизнь! Так вот, издали мы увидели, как на нашу Гору садится огнедышащий дракон. Он пополз вниз по склону, сжигая лес на своем пути. Тут в Дейле зазвонили во все колокола, и воины взялись за оружие. Гномы бросились из подземелий наверх, к Главным Воротам, но там их уже поджидал дракон! Ни один гном не сумел выйти наружу. Вода в реке закипела, повалил пар, и над Дейлом повис туман, под покровом которого дракон проник в город и перебил почти всех его защитников. Такова эта печальная история, каких в те дни случалось немало. Затем дракон вернулся к Горе и через Главные Ворота заполз внутрь, где огнем прошел по всем залам и туннелям, боковым ходам и погребам, по всем до единого закоулкам, после чего там не осталось ни одного живого гнома, и дракон присвоил все их сокровища. Наверное, он, как это принято у драконов, свалил все сокровища в одну кучу где-нибудь в дальнем углу и спит на ней. Кроме того, дракон взял за обыкновение выползать по ночам из Главных Ворот наружу и навещать в Дейл, где хватал людей, большей частью девушек, и утаскивал к себе, чтобы сожрать. Так продолжалось до тех пор, пока Дейл не превратился в развалины. Уцелевшие жители покинули город, и трудно сказать, что там делается теперь, но не думаю, чтобы в окрестностях Горы кто-нибудь жил – разве что на дальнем конце озера Долгого. Те немногие из нас, кому удалось спастись, спрятались и в слезах проклинали Смауга. Тут, совершенно неожиданно, к нам присоединились мой дед и отец, причем бороды у них были сильно обожжены. Выглядели оба мрачными и почти все время молчали. А когда я спросил, как им удалось выбраться, они велели мне попридержаться язык и сказали, что в свое время я все узнаю. И мы ушли оттуда, и пришлось нам скитаться и зарабатывать себе на жизнь как придется, опускаясь до самой черной работы в кузнице, а то и просто в угольных копиях. Но никогда не забывали мы о своих похищенных сокровищах. И сегодня, когда, осмелюсь заметить, у нас есть кое-что на черный день и мы вовсе не нищие, – тут Торин погладил золотую цепь, висевшую у него на груди, – мы не оставили мысли вернуть их и, если удастся, обрушить возмездие на голову Смауга. Я часто думал о тайне спасения отца и деда и пришел к выводу, что существовал какой-то им одним известный потайной ход. По-видимому, они и составили эту карту. Однако хотелось бы узнать, где раздобыл ее Гэндальф и отчего она не попала ко мне, законному наследнику?

– Я ее не раздобывал! Ее мне дали! – сказал волшебник. – Ты, наверное, не забыл, что твой дед Трор погиб в подземельях Мории в поединке с гоблином по имени Азог?*

– Азог! Будь он трижды проклят! – воскликнул Торин.

– И что твой отец Траин ушел из дома двадцать первого апреля – кстати, в прошлый четверг этому событию исполнилось ровно сто лет – и с тех пор ты его больше не видел?

– Все именно так, – подтвердил Торин.

– Так вот, эту карту дал мне твой отец, с тем чтобы я вручил ее тебе. Но, учтя, как трудно мне было тебя разыскать, ты, надеюсь, не осудишь меня за то, что я столь долго выбирал время и место! Ибо твой отец был в таком состоянии, что не помнил ни своего, ни твоего имени. Так что тебе остается лишь поблагодарить меня. Вот она! Держи! – сказал Гэндальф, вручая карту Торину.

– Чего-то я здесь не понимаю, – пробормотал Торин, да и Бильбо мог сказать о себе то же самое. Объяснения Гэндальфа ничего ему не объяснили.

– Перед тем как спуститься в подземелья Мории, – продолжал волшебник, – твой дед отдал карту на сохранение своему сыну. Вот после гибели Трора твой отец и решил попытаться счастья с этой картой. Много жестоких испытаний выпало на его долю, но до Горы он так и не добрался. Уж не знаю, как он туда попал, но я нашел его среди узников, в темнице у Некроманта*.

– Что ты там делал?! – дрогнувшим голосом спросил Торин, а все остальные гномы в страхе примолкли.

– А это уже мое дело! Как обычно, я кое-что искал, и поиски эти были весьма неприятными и опасными. Даже мне, Гэндальфу, едва удалось унести ноги! Я пытался спасти твоего отца, но пришел слишком поздно. Он был при смерти и ничего не помнил, кроме того, что должен передать тебе карту и ключ.

– Мы давно уже отомстили гоблинам Мории! – с вызовом воскликнул Торин. – Теперь настала очередь Некроманта!

– Не говори глупостей! Этот противник не по зубам гномам, даже всем, вместе взятым, если их вообще теперь возможно собрать со всех концов мира. Единственное, чего хотел твой отец, – чтобы ты использовал карту и ключ по назначению. Дракон и Гора – вот задача, которой хватит тебе за глаза и за уши!

– Послушайте! – сам того не ожидая, воскликнул Бильбо.

– Что?! – хором откликнулись гномы и повернулись к хоббиту, который настолько смутился, что мог лишь повторить:

– Послушайте, что я хочу предложить!

– Да что же?!

– Мне кажется, вам нужно просто пойти на восток и посмотреть на месте, что к чему. В конце концов, там ведь есть потайной ход, да и дракону хоть когда-нибудь нужно выспаться. Осмелюсь выразить уверенность, что, если достаточно долго посидеть на приступочке, что-нибудь обязательно придумается. А теперь – я надеюсь, вы поймете меня правильно – не кажется ли вам, что разговоры на сегодня пора заканчивать? Как насчет того, чтобы сейчас лечь спать, а завтра выйти пораньше? Перед тем как вы уйдете, я приготовлю завтрак.

– Ты сказал, перед тем как мы уйдем?! – воскликнул Торин. – А ты?! Разве ты не грабитель?! Разве не твое это дело – сидеть на приступочке, я уж не говорю о том, чтобы открыть потайную дверь?! Однако я не возражаю против того, чтобы выспаться и позавтракать. Перед выходом я не отказался бы от глазуньи из полдюжины яиц с ветчиной. Да смотри не пережарь и не разбей глазков!

Тут и остальные без всякого зазрения совести (что Бильбо не преминул про себя отметить) принялись заказывать себе завтрак и наконец встали из-за стола. Хоббиту пришлось искать, где их всех разместить, устраивать гномов на диванах и в креслах, так что до своей спальни Бильбо добрался уже совершенно измученным и бесконечно несчастным. Он твердо решил, что ни за что не станет подниматься ни свет ни заря и готовить заказанные завтраки. Тукки в нем как-то уже выдохлись, и теперь он далеко не так был уверен, что завтра утром отправится в путешествие.

Засыпая, Бильбо слышал голос Торина, бубнившего за стеной соседней (и самой лучшей!) спальни:

Там, за туманных гор хребтом,
В пещерах наш сожженный дом.
Чуть рассветет, уйдем в поход
За нашим древним золотом!

С этим Бильбо и уснул, но сон его был беспокоен. Проснулся он, когда уже давным-давно рассвело.

Глава II. Жареный барашек

Бильбо вскочил, быстро накинул халат и бросился в столовую. Если не считать обильных остатков весьма поспешного завтрака, там было пусто. В комнате не прибрано, на кухне – гора немытой посуды... Похоже было, что гномы перепачкали все имеющиеся в доме горшки и кастрюли. Малоприятная перспектива перемывать всю эту посуду была настолько реальной, что Бильбо сразу похоронил смутную надежду на то, что безобразное сборище прошлой ночью ему только приснилось. Сказать по правде, он с большим облегчением убедился, что гномы ушли – ушли без него и даже не разбудили!

«Хоть бы спасибо сказали!» – подумал Бильбо.

И все же, ничего уж тут не поделаешь, он был чуточку разочарован. Это его удивило.

«Не валяй дурака, Бильбо Бэггинс! – сказал он себе. – В твой-то годы какие могут быть драконы!»

Бильбо надел фартук, разжег огонь, нагрел воду и перемыл всю посуду. Потом он славно позавтракал на кухне, после чего вернулся в столовую. Солнце уже светило вовсю, входная дверь была открыта, и в нору задувал теплый весенний ветерок. Бильбо стал даже насвистывать и почти забыл о ночном происшествии. Сидя в столовой у открытого окна, он уже собирался приступить ко второму завтраку, когда неожиданно появился Гэндальф.

– Приятель! – воскликнул он. – Когда же ты намерен отправляться? Ты же хотел выйти пораньше! А сам завтракаешь, или как там это у тебя называется в пол-одиннадцатого? Гномы не могли ждать и оставили тебе послание.

– Какое еще послание? – пролепетал Бильбо в полном смятении.

– Хобот и бивни! – не выдержал Гэндальф. – Нынче утром ты, похоже, не в себе. Даже пыль с камина не вытер!

– Что ж тут удивительного? Мне вполне хватило мытья посуды за четырнадцатью обжорами!

– А вот вытри ты пыль с камина, прямо под часами ты нашел бы вот это, – наставительно сказал Гэндальф, вручая хоббиту записку, нацарапанную на листке, вырванном, разумеется, из его собственного блокнота.

Вот что там было написано:

«Торин и Ко приветствуют Грабителя Бильбо! Искренне благодарим за оказанное гостеприимство и весьма признательны за согласие оказать профессиональную помощь. Наши условия: одна четырнадцатая часть (но не более!) общего дохода (если таковой будет) выплачивается сразу по получении; возмещение дорожных издержек гарантируется в любом случае; похороны за наш счет или за счет наших правопреемников, по мере необходимости*.

Не усматривая особой нужды тревожить драгоценный сон досточтимого Грабителя, мы отправляемся заранее, дабы завершить некоторые приготовления. Будем ждать нашего уважаемого друга в Приречье, в трактире «Зеленый дракон», ровно в одиннадцать утра. Рассчитываем на пунктуальность.

Честь имеем оставаться, изъявляя при сем низжайшее почтение, Торин и Ко».

– У тебя осталось ровно десять минут. Придется, наверное, пробежаться, – заметил Гэндальф.

– Но... – начал было Бильбо.

– Обсуждать некогда! – отрезал волшебник.

– Но... – снова открыл рот Бильбо.

– Да некогда же! Бегом марш!

И много лет спустя Бильбо никак не мог припомнить, как это он оказался на улице без шляпы, без тросточки и даже без денег, то есть безо всего того, что он обычно брал с собой, выходя из дому. Оставив второй завтрак недоеденным и посуду невымытой, он сунул Гэн-

дальфу ключи от дома и со всех своих мохнатых ног пустился по улице – мимо Мельницы и еще не меньше мили за Реку.

Часы как раз пробили одиннадцать, когда Бильбо добрался наконец до Приречья. Он совершенно упарился, и – надо же такому случиться! – у него не оказалось с собой носового платка!

– Браво! – зааплодировал Балин, дожидавшийся его на пороге трактира.

Тут же из-за поворота дороги, что вела из деревни, появились и остальные гномы. Все они ехали верхом на пони – и каждая лошадка была навьючена всевозможными тюками, мешками и прочим снаряжением. Пони поменьше, очевидно, предназначался для Бильбо.

– Садитесь-ка оба – и в путь! – скомандовал Торин.

– Тысяча извинений, – замешкался Бильбо, – но я не успел надеть шляпу, забыл носовой платок и оставил дома все деньги. Послание ваше я прочел ровно в десять сорок пять, если быть точным...

– Точным быть незачем, – вмешался Двалин. – И незачем так беспокоиться! Теперь тебе до конца похода придется обходиться без носового платка – и много еще без чего другого. А шляпа... Не беда! У меня в мешке найдутся для тебя запасные капюшон и плащ.

Вот так, прекрасным утром, в самом конце апреля, они и отправились в путь, выехав из ворот трактира на тяжело навьюченных пони. Бильбо нахлобучил одолженный ему Двалином темно-зеленый капюшон (правда, несколько линялый) и облачился в темно-зеленый же плащ. Они были ему великоваты, так что выглядел Бильбо самым нелепым образом. Да-а... Страшно даже подумать, что сказал бы на все это его отец Банго. Единственное, чем Бильбо мог утешить свое задетое самолюбие, – его никак нельзя было принять за гнома, поскольку он был без бороды.

От трактира они отъехали совсем недалеко, когда их нагнал Гэндальф. На белой лошади он выглядел великолепно! Гэндальф привез для Бильбо целую стопку носовых платков, а также его любимую трубку и полный кисет табаку. После чего вся компания продолжила путь в самом добром расположении духа – гномы рассказывали разные истории, распевали песни; так они ехали весь день, делая, разумеется, остановки, чтобы немного перекусить. И хотя остановки эти были не столь частыми, как Бильбо того хотелось бы, он начал подумывать, что, в конце концов, приключения – это не так уж и страшно.

Поначалу на их пути лежали земли хоббитов – весьма благоустроенный край, населенный исключительно почтенной публикой. Дороги здесь были ухоженные, нет-нет да и попадался у обочины какой-нибудь трактир, то и дело путники встречали гномов и хоббитов, спешивших куда-то по своей надобности. Затем пошли края, где выговор у жителей был какой-то странный и пелись песни, каких Бильбо никогда раньше не слышал. Наконец они добрались до Пустошей. Здесь никто не жил и, разумеется, не было уже никаких трактиров, а дороги становились все хуже и хуже. Впереди замаячили мрачные холмы, поросшие густым лесом. На некоторых холмах высились устрашающего вида замки – строили их, казалось, с самыми нехорошими намерениями. Стало как-то совсем невесело, да и погода испортилась. Сначала-то она была отличной, какой и описывают майскую погоду в веселых сказках, но вдруг переменялась на сырую и прохладную. И без того на Пустошах ночевать приходилось где попало, но по крайней мере сперва было сухо...

– Подумать только, июнь на носу! – ворчал Бильбо, трясясь верхом на своем пони, который уныло месил копытами грязь позади остальных. Дело шло к вечеру, время чаепития давно миновало, дождь лил с самого утра; по лицу Бильбо текли холодные струйки, плащ промок – хоть выжимай; бедный пони совсем выбился из сил и без конца спотыкался о камни, а гномы сникли и большей частью помалкивали.

«Дождь наверняка вымочил всю запасную одежду и залил мешки с провизией, – думал пригорюнившийся Бильбо. – И кто тянул меня за язык назваться грабителем?! Дорого бы я заплатил, чтобы оказаться сейчас дома, у камина, подле закипающего чайника!»

Надо сказать, это был первый, но далеко не последний случай, когда Бильбо посетили подобные мрачные мысли.

А гномы все ехали, ехали, и даже не оборачивались, словно совсем забыли о несчастном хоббите. Постепенно темнело, – наверное, где-то там, за черными тучами, садилось солнце. Поднялся ветер, и приречные ивы закачались и завздыхали. То была какая-то безымянная речка, вздувшаяся после непрерывных дождей и стремительно несшая с окрестных холмов и дальних гор свои мутные воды.

Вскоре стемнело. Ветер усилился, над холмами показалась бледная луна, обрамленная черными обрывками туч. Путники остановились, и Торин проворчал что-то насчет ужина и нечто вроде «Где бы нам найти местечко посуше для ночлега?».

И тут гномы обнаружили, что Гэндальф пропал! До сих пор он ехал вместе с ними, но так и не сказал определенно, участвует он в походе или только сопровождает их до поры до времени. Гэндальф больше всех ел, больше всех болтал и смеялся, а теперь – на тебе! – взял да исчез!

– И это в то самое время, когда какой-никакой волшебник очень даже пригодился бы! – недовольно ворчали Дори и Нори (которые, кстати, разделяли мнение хоббита, считавшего, что есть следует вовремя, много и часто).

В конце концов гномы решили, что лучше всего будет разбить лагерь, не сходя с места. До сих пор они останавливались в трактирах, но прекрасно понимали, что вскоре ночевать под открытым небом придется постоянно, особенно когда они доберутся до Туманных Гор, где никак не приходилось рассчитывать на гостеприимство, но этот дождливый вечер казался им не самым подходящим для первой попытки. В итоге гномы разбили лагерь в рощице неподалеку, и все-таки, хотя под деревьями было несколько суше, ветер то и дело стряхивал с листьев дождевые капли, и это беспрестанное «кап-кап» просто выводило из себя. Да и с костром что-то не заладилось. Уж на что гномы мастера разжигать костры где угодно и чем угодно, на ветру и в безветрие, но этой ночью у них ничего не получалось – даже у Оина с Глоином, которые по части костров были особо крупными специалистами.

В довершение всего один из пони испугался неведь чего и ускакал. За ним тут же погнались, но нелегкая занесла его в речку. Выживая его оттуда, Кили с Фили чуть не утонули, и, конечно же, всю поклажу с пони смыло. Как назло, то были большей частью мешки с провизией, так что на ужин почти ничего не осталось, не говоря уже о завтраке.

Так вот они и сидели – угрюмые, мокрые и раздраженные, а Оин с Глоином, переругиваясь, продолжали бесплодные попытки разжечь костер. Бильбо одолевала грустные мысли. Оказывается, приключения – это не только веселые прогулки под майским солнышком!

И вдруг Балин, который обычно выполнял обязанности караульного, закричал:

– Смотрите, огонь!

Неподалеку маячил поросший лесом холм, и сквозь гущу деревьев мерцал огонь, сулящий тепло и уют, – не то костер, не то факелы.

Вдоволь наглядевшись, гномы начали спорить. Одни говорили «Идем туда!», другие – «Ни за что!». Одни убеждали, что только подойдут и посмотрят, – мол, хуже, чем скудный ужин, утро без завтрака и ночевка в мокрой одежде, всяко не будет! Другие предостерегали: «Места тут незнакомые, да и горы больно уж близко. Какие тут могут быть путешественники? А старым картам верить нельзя – все изменилось к худшему, и на дорогах, наверное, полным-полно разбойников, поскольку в этих краях давно уже нет короля. Так что меньше будешь совать свой нос куда не следует – меньше вероятности попасть в беду». Кто-то сказал: «Нас же, в конце концов, целых четырнадцать!» А кто-то: «И куда это Гэндальф запропастился?»

Этот вопрос хором подхватили все. Дождь тем временем припустил пуще прежнего, а Оин с Глоином окончательно передрались. Это обстоятельство и решило дело.

– В конце концов, среди нас есть профессиональный грабитель! – загомонили гномы и решительно направили своих пони (соблюдая, разумеется, необходимые меры предосторожности!) в сторону мерцающего огня. Они добрались до подножия холма и вскоре вошли в лес. Подниматься по склону было совсем не просто, поскольку там не оказалось никакой малозаметной тропы, какая могла бы вести к дому или ферме. Как гномы ни старались, но, покуда они ломались через кусты в кромешной тьме, не обошлось без шума, шороха и треска (равно как без ворчания и тихих проклятий!).

Неожиданно красный огонь ярко вспыхнул за стволами деревьев – и оказалось, что он совсем близко.

– Теперь черед грабителя! – зашептали гномы, имея в виду, разумеется, Бильбо.

– Иди и разведай: что за огонь, кто его зажег и нет ли там опасности, – приказал хоббиту Торин. – И поживее! Если там все в порядке – не задерживайся! А нет – постарайся вернуться живым! А увидишь, что не получается, – ухни два раза филином и один раз совой. Мы тут что-нибудь придумаем.

Пришлось Бильбо идти. Он даже заикнуться не успел, что и один-то раз ухнуть филином у него вряд ли получится. Зато хоббиты умеют бесшумно двигаться по лесу – ну совершенно бесшумно! Способностью этой они очень гордятся – поэтому Бильбо не раз презрительно фыркал по поводу шума, с которым гномы продирались через чащу. Он называл это «гномьим тарарамом». Правда, я почти уверен, что ни вы, ни я вообще ничего бы не услышали той ветреной ночью, даже если бы вся эта гномья кавалькада прошла всего в двух шагах от нас. Что же касается Бильбо, который напрямик зашагал на красный огонь, я уверен – и горностаи бы ухом не повел! Бильбо подкрался к самому костру – а это был именно костер! – никого при этом не потревожив. И вот что он увидел.

У огромного костра, в котором пылали буковые бревна, сидели трое здоровенных детин. Пользуясь вместо вертела длинной жердью, они поджаривали барашка и время от времени облизывали с пальцев жир. Вокруг распространялся дивный аромат жареного мяса. Рядом стояла бочка с пивом, и великаны прихлебывали его из больших кружек. Тролли!* Сомневаться не приходилось – даже Бильбо, который мало чего видал в своей жизни, и тот сразу понял это по их грубым физиономиям, огромному росту и кривым ногам, не говоря уже о разговорчиках, которые ну никак нельзя было назвать благопристойными.

– Вчера баранина, сегодня баранина и завтра небось придется жрать эту вонючую баранину! – проворчал один из троллей.

– Давненько не едали мы человечинки, – отозвался другой тролль. – И какого рожна эта дурья башка Вильям затащил нас в эти проклятые края? И пиво кончается, балбес ты этакий! – добавил он и пихнул Вильяма локтем как раз в тот момент, когда тот отхлебывал из своей кружки.

Вильям поперхнулся.

– Заткнись! – заорал он, как только откашлялся. – Ты что, хочешь, чтобы люди сами лезли тебе в рот? С тех пор как мы спустились с гор, вы с Бертом сожрали деревни полторы. Мало вам? Пошли такие времена, что и за кусочек такого откормленного барашка вы вполне могли бы мне сказать: «Спасибо, Билл!»*

Вильям вцепился зубами в баранью ногу, откусил большущий кусок, а затем утерся рукой.

К сожалению, тролли всегда ведут себя подобным образом – даже те, у которых только по одной голове. Слушая перебранку троллей, Бильбо пришел к выводу, что пора ему на что-то решаться. Может, потихоньку отступить и доложить гномам, что тут трое здоровенных троллей, которые пребывают далеко не в лучшем настроении и отнюдь не прочь отведать жареных

гномов или на худой конец пони? А может, пуститься во все тяжкие и продемонстрировать свои профессиональные навыки? Настоящий грабитель высокого класса, наверное, первым делом обчистил бы карманы троллей – как правило, овчинка стоит выделки, хотя это и требует известной ловкости рук! – затем стащил бы барашка с вертела, уволок бочку с пивом и убрался бы подобру-поздорову. Грабитель же более практичный и менее тщеславный в профессиональном отношении, возможно, не преминул бы зарезать всех троих троллей ножом (для верности!), а потом провел бы остаток ночи в свое удовольствие.

Все это Бильбо знал – он был достаточно начитан. Из книг он вообще знал много такого, чего никогда не видел и с чем никогда не имел дела. Хоббиту стало страшно и противно. Ему захотелось поскорее оказаться за сто миль от этого места, и все же... и все же он никак не мог позволить себе вернуться к Торину и Ко с пустыми руками и несолоно хлебавши. Бильбо стоял во мраке, не в силах ни на что решиться. После продолжительных размышлений он пришел к заключению, что из всех возможных грабительских деяний обчистить карманы троллей будет, пожалуй, попроще. Поэтому он подкрался к Вильяму и спрятался за деревом, к которому тот прислонился спиной.

Берт и Том отошли к бочке, а Вильям сидел и пил пиво из кружки. Наконец Бильбо набрался храбрости и сунул свою маленькую руку в огромный карман Вильяма. Там лежал кошелек – большой кошелек, показавшийся Бильбо целым мешком.

«Ха! – подумал хоббит, начиная входить во вкус, и потащил кошелек из кармана. – Лиха беда начало!»

То-то и оно, что «лиха беда»! Кошельки-то у троллей очень вредные – и этот, естественно, не был исключением.

– И-кто-там? – запищал кошелек, едва Бильбо вытащил его из кармана.

Вильям тут же обернулся и, прежде чем Бильбо успел юркнуть в тень, схватил хоббита за горло.

- Лопни мои глаза, Берг! Гляди-ка, чего я сцапал! – заорал Вильям.
- Чего там?
- Поди знай... Ты кто?
- Бильбо Бэггинс я, граби... хоббит... – прохрипел трясущийся Бильбо, лихорадочно соображая, как бы исхитриться и ухнуть филином, прежде чем его задушат.
- Грабихоббит? – Тролли изумленно уставились на Бильбо.
- Они были тугодумы и ко всему незнакомому относились с большим подозрением.
- А что грабихоббит делал в моем кармане? – спросил Вильям.
- А если его поджарить? – вмешался Том.

– Надо попробовать, – подхватил Берт и потянулся за вертелом.

– Сдерешь с него шкуру – так на один зуб останется, – хмыкнул Вильям, который только что плотно поужинал.

– Может, он тут не один такой? Пирог бы сготовили... – предложил Берт. – Эй, ты, кролик вонючий, много вас тут шастает? – спросил он, поглядев на мохнатые ноги хоббита, а затем поднял Бильбо за пятки и хорошенько потряс.

– Много... – вырвалось у Бильбо, прежде чем он успел сообразить, что выдает своих друзей. – Совсем никого! – мгновенно поправился он.

– Это как понимать? – удивился Берт.

Он перевернул Бильбо и теперь держал его за волосы.

– Так и понимать, – прохрипел задыхающийся Бильбо. – Дяденька, пожалуйста, не нужно меня готовить! Я сам хорошо готовлю, и куда лучше, чем готовлюсь, извините за выражение. Я вам такой завтрак приготовлю! Если вы меня, конечно, не съедите за ужином...

– Эх ты, козявка, – буркнул Вильям, который уже наелся до отвала и надулся пивом. – Отпусти его, Берт!*

– Вот и нет! Пусть сначала объяснит, что значит «много» и «совсем никого», – возразил Берт. – Не хочу, чтобы мне глотку во сне перерезали! Сейчас вот подпалю ему пятки – живо заговорит!

– Не смей! – гаркнул Вильям. – Это я его поймал!

– Дубина ты стоеросовая, Вильям! – огрызнулся Берт.

– Сам ты бревно!

– Отвали, Билл Хаггинс! – процедил сквозь зубы Берт и двинул Вильяма кулаком в нос.

Началась жуткая потасовка. Берт уронил Бильбо на землю, и у того хватило ума отползти подальше, чтобы его не растоптали. А тролли грызлись, как псы, обзывали друг друга разными обидными (но, надо признать, весьма справедливыми!) словечками и орали на весь лес. В конце концов они сцепились и, молотя друг друга кулаками и ногами, покатались по земле, причем едва не угодили в костер. А Том прыгал вокруг и колошматил обоих дубиной, рассчитывая, видимо, таким образом привести их в чувство, но от этого дерущиеся, разумеется, только распалялись пуще прежнего.

Казалось бы, самое время было уносить ноги, но Бильбо еле передвигал эти самые ноги, поскольку Берт сильно помял его своими лапищами, а кроме того, бедняга никак не мог отдышаться и у него кружилась голова. Поэтому он лежал за деревом, чтобы свет от костра на него не падал, и тяжело отдувался.

И вдруг, в самый разгар драки, на поляне появился Балин! Гномы издали услышали крики троллей и, не дождавшись ни возвращения Бильбо, ни его уханья филином, один за другим остороженько поползли на свет. Едва заметив Балина, Том дико завопил. Тролли, вообще-то, на дух не выносят гномов (сырыми, конечно!). Берт и Билл мгновенно прекратили драку и заорали: «В мешок его, Том! Скорее!» И прежде чем Балин, который ломал голову над тем, где же в этой неразберихе искать Бильбо, сообразил, в чем дело, на него накинули мешок.

– Сейчас еще наползут, – прошептал Том. – Вот увидите! Это и значит – много и совсем никого! Грабихоббитов – совсем никого, а гномов – много! Башкой работать надо!

– Похоже, ты прав, – прошипел Берт. – Отойдем-ка от костра.

Так тролли и сделали. Приготовив мешки, в которых они таскали баранов и прочую добычу, они затаились во мраке. Как только выползал очередной гном и начинал таращить глаза на костер, разбросанные кружки и обглоданные кости – хлоп! – на голову ему набрасывали дурно пахнущий мешок, и гном оказывался на земле. Вскоре Двалин уже лежал рядышком с Балином, Кили – с Фили, Дори, Нори и Ори – друг на друге, а Оина, Глоина, Бифура, Бофура и Бомбура свалили в кучу подле костра.

– Пусть полежат, успокоятся! – проворчал раздраженный Том, поскольку Бифур и Бомбур не дались ему в руки просто так – они сопротивлялись, как бешеные (гномы всегда так ведут себя в безвыходном положении!).

Торин полз последним – и события не застали его врасплох. Он рассчитывал на худшее, и ему не нужно было видеть ноги своих друзей, торчавшие из мешков, дабы понять, что дела идут далеко не блестяще. Не выползая на свет, он остановился и растерянно спросил:

– Что тут творится? Кто обижает моих подданных?

– Тролли! – шепнул в ответ Бильбо, затаившийся за деревом. О нем в суматохе позабыли. – Они прячутся в кустах и набрасывают на всех мешки!

– Ах вот как! – воинственно воскликнул Торин и бросился прямо к костру, да так стремительно, что тролли не успели накинуть на него мешок. Торин выхватил из костра горящую ветку и ткнул ею прямо в глаз опешившему Берту. Таким образом на некоторое время Берт был выведен из строя. Но и Бильбо не зевал – он ухватил Тома за ногу (а это оказалось совсем не просто, потому что нога тролля была толщиной с хорошее дерево!) и тут же кувырком полетел в кусты, поскольку этой самой ногой Том размахнулся и со всей мочи пнул костер, пытаясь головешками попасть в Торуна.

За это Том получил такой тычок веткой, что потерял передний зуб. Ну и взвыл же он, доложу я вам! Но тут Вильям изловчился и набросил на Торуна мешок. На этом битва и закончилась. Гномам теперь трудно было позавидовать – крепко связанные, каждый с мешком на голове, они лежали подле трех обозленных троллей (двое из них дули на ожоги и синяки), которые спорили – то ли зажарить гномов на медленном огне, то ли накрошить и сварить похлебку, а может, просто сесть на них поочередно и превратить в лепешки? Бильбо тем временем висел на колючем кусте – исцарапанный, в изорванной одежде – и не смел пошевелиться, опасаясь, что его заметят.

Тут-то и вернулся Гэндальф. Правда, никто его не заметил. Тролли наконец решили зажарить гномов сразу, а съесть немного погодя; идея эта принадлежала Берту. После продолжительных препирательств остальные с ним согласились.

– Жарить сейчас, так до утра не управишься, – послышался чей-то голос.

Берт подумал, что это Вильям.

– Билл, кончай спорить, а то и впрямь до утра не управимся, – сказал Берт.

– А кто спорит-то? – возмутился Вильям, который подумал, что это Берт.

– Ты и споришь! – огрызнулся Берт.

– Не ври! Сам ты споришь! – обозлился Вильям.

И тролли снова стали препираться. В конце концов они сошлись на том, чтобы накрошить гномов и сварить похлебку. Тролли принесли большой закопченный котел и достали ножи.

– Воды-то нет, а до родника топать и топать, – снова раздался чей-то голос.

Берт и Вильям подумали, что это Том.

– Заткнись! – заорали они. – Так мы никогда не начнем! Еще раз хлебало свое разинешь – сам за водой пойдешь!

– Сам заткнись! – рявкнул Том, который подумал, что это был голос Вильяма. – Кто тут хлебало разевает, как не ты?

– Ну и болван! – не выдержал Вильям.

– Сам болван! – не замедлил с ответом Том.

И тролли заспорили пуще прежнего. Наконец они решили сначала сесть на гномов и раздавить их, а потом уже варить похлебку.

– На кого первым сядем? – спросил чей-то голос.

– Первым на последнего! – сразу предложил Берт, которому Торин только что чуть не выколол глаз. Ведь Берт подумал, что вопрос задал Том.

– Что это ты сам с собой разговариваешь? – удивился Том. – На последнего так на последнего. Где он тут?

– Вон тот, в желтых чулках, – сказал Берт.

– Не в желтых, а в серых! – произнес голос, похожий на голос Вильяма.

– Да точно в желтых! – возразил Берт.

– В желтых, в желтых! – поддержал его Вильям.

– Чего ж ты говоришь, что в серых? – удивился Берт.

– Это не я, это Том.

– Вот уж нет! Это ты! – буркнул Том.

– Нас двое, а ты один – так что заткнись! – отрезал Берт.

– Чья бы корова мычала! – рявкнул Вильям.

– Кончай! – закричали Том с Бертом. – Ночь на исходе, а светает рано. За дело пора!

– С лучами рассвета камнями вам быть! – произнес голос, похожий на голос Вильяма.

Говорил-то, как вы понимаете, вовсе не Вильям. В эту самую минуту над холмом встало солнце, и в кронах деревьев поднялся оглушительный птичий щебет. И тут Вильям замолчал навек* – окаменев, он так и остался стоять, наклонившись к земле, а Берт и Том как смотрели на Вильяма, так и застыли, превратившись в огромные валуны. Так и стоят они по сей день, всеми позабытые, – разве что птицы иногда садятся на них. Впрочем, вы, наверное, и сами знаете, что тролли должны с рассветом прятаться под землю – иначе они превратятся в камни, из которых были созданы, и это уже навсегда. Так и случилось с троллями Бертом, Томом и Вильямом.

– Вот и славненько! – сказал Гэндальф, выходя из-за дерева и помогая застрявшему в терновнике Бильбо спуститься на землю. Тут-то хоббит все и понял – это голос Гэндальфа заставил троллей препираться, пока не встало солнце и не покончило с ними навек!

Затем волшебник с Бильбо поспешно развязали мешки и освободили гномов. К тому времени бедняги чуть не задохнулись и пребывали в сильном раздражении. Еще бы! Кому понравится сидеть в мешке и слушать, как тролли спорят – жарить тебя, раздавить или накрошить?! Гномы пристали к Бильбо с вопросами и не отстали до тех пор, пока он не повторил свой рассказ дважды. Только тогда гномы несколько успокоились.

– Нашел время отрабатывать профессиональные навыки! – неодобрительно заметил Бомбур. – Мы же хотели просто погреться и поесть!

– Положим, просто так от этих громил вам вряд ли что-нибудь перепало бы, – возразил Гэндальф. – Как бы то ни было, сейчас вы напрасно тратите время. Поблизости должна быть пещера или нора, где тролли прятались от солнца. Не худо бы туда заглянуть!

После непродолжительных поисков они обнаружили следы каменных башмаков. Следы вели через лес. Держась этих следов, гномы поднялись по склону холма и оказались перед спрятанной в кустарнике большой каменной дверью, которая и была входом в пещеру. Однако как ни старались они, как ни толкали, открыть дверь никак не удавалось. Не помогли и заклинания Гэндальфа.

– Может, это подойдет? – с невинным видом спросил Бильбо, когда гномы окончательно выбились из сил и терпение их лопнуло. – Я подобрал его, пока они дрались. – И Бильбо достал здоровенный ключ, который Вильям, наверное, считал совсем крохотным. Видимо, ключ выпал у тролля из кармана – к счастью, до того, как тролль превратился в камень.

– Где же ты раньше-то был?! – стали пенять ему гномы.

Гэндальф выхватил у Бильбо ключ, вставил его в замочную скважину и повернул, после чего осталось только дружно подналечь – и дверь отворилась! Все вместе они вошли внутрь. На земле валялись обглоданные кости. Пахло в пещере отвратительно. Однако здесь была еда, много еды! Съестные припасы были повсюду – грудями валялись они на полках и на земле, вперемешку с разным хламом и награбленным добром, начиная от медных пуговиц и кончая

горшками, которые доверху были наполнены золотыми монетами. На стенах пещеры висела разнообразная одежда – троллям она была явно мала и, боюсь, принадлежала раньше их жертвам. А кроме того, здесь оказалось несколько мечей различной формы, длины и отделки. Два из них сразу бросались в глаза своими великолепными ножнами и рукоятями, усыпанными драгоценными камнями.

Гэндальф взял себе один из этих мечей, Торин – другой. Бильбо присмотрел себе кинжал в кожаных ножнах. Для тролля это был бы просто перочинный ножичек, а для хоббита мог сойти за настоящий короткий меч!

– Отличные клинки! – воскликнул Гэндальф, до половины вытаскивая мечи из ножен и внимательно рассматривая. – Их ковали не тролли и не люди, а кроме того – давным-давно и не в этих краях. Если удастся прочесть начертанные на клинках руны – мы узнаем об этих мечях побольше.

– Давайте поскорее выйдем на свежий воздух! – взмолился Фили.

Они вынесли из пещеры горшки с монетами и те съестные припасы, что еще не испортились и с виду были пригодны в пищу, а также нераспечатанный бочонок с пивом. Было самое время позавтракать, а поскольку голод не тетка, никто не стал воротить носа от несколько залежалых тролличьих припасов. Своей-то провизии почти не осталось! Теперь же в их распоряжении были и хлеб, и сыр, и вдоволь пива, а на углях догоравшего костра они пожарили себе ломтики копченой свинины.

А потом все улеглись спать – ночка-то выдалась весьма беспокойной! – да так и проспали чуть не до полудня. Проснувшись, гномы погрузили на пони горшки с золотыми монетами и отправились в лес, где и закопали их в тайном месте (у тропы, что шла вдоль реки), произнеся над ними множество надлежащих заклятий – на случай, если когда-нибудь удастся вернуться сюда и выкопать клад. Покончив с делами, они вновь сели верхом на своих пони и продолжили путь на восток.

– Интересно, куда это ты пропал вчера вечером? – спросил Торин, поравнявшись с Гэндальфом.

– Да так, заглянул вперед, – ответил волшебник.

– А что заставило тебя вернуться, причем в самый последний момент?

– Поглядел назад, вот и вернулся, – ответил Гэндальф.

– Вот уж действительно, – пробормотал Торин. – Ну а если поподробней?

– Я поехал вперед, чтобы разведать дорогу. Кстати, скоро она станет трудной и опасной. А кроме того, я искал, где бы нам запастись провизией. Однако отъехав совсем недалеко, я встретил двух своих старых друзей из Ривенделла*.

– Откуда-откуда? – переспросил Бильбо.

– Не перебивай! – оборвал его Гэндальф. – До Ривенделла всего несколько дней пути, и, если нам повезет и мы туда доберемся, сам все увидишь. Так вот, как я уже сказал, мне встретились двое подданных Элронда. Они спешили миновать эти места – боялись троллей. По их словам, с гор недавно спустились три тролля и поселились в лесу неподалеку от дороги. Эти трое распугали всех в округе жителей и принялись нападать на путников. Я сразу сообразил, что кое-кто нуждается в моей помощи. Поглядев назад, я увидел вдалеке свет костра и пошел на него. Вот, собственно, и все. В другой раз будьте, пожалуйста, осмотрительней, а то мы так никуда не доберемся!

– Что ж, спасибо, – сказал Торин.

Глава III. Короткий отдых

Погода наладилась. Однако гномы больше не пели и не рассказывали веселых историй – ни в этот день, ни на следующий. Им чудилось, что опасность подстерегает за каждым кустом. Ночевали они под открытым небом, и пони питались теперь куда лучше своих седоков, поскольку травы в этих местах было много, а вот мешки с провизией заметно похудели, несмотря на недавнее пополнение из запасов троллей. Как-то утром путники перешли вброд речку – на мелком перекате пенное течение с грохотом ворочало камни. Противоположный берег оказался крутым и скользким. Когда наконец они вскарабкались наверх и втащили за собой своих пони, они увидели впереди высокие горы. Казалось, до ближайшей горы не больше дня пути. Мрачной и страшной выглядела эта громадина, хотя кое-где на бурых склонах лежали яркие солнечные пятна, а вдали сверкали заснеженные вершины.

– Это та самая Гора? – шепотом спросил изумленный Бильбо. Он в жизни не видел ничего подобного!

– Да нет! – небрежно бросил Балин. – Это пока еще Туманные Горы*. Чтобы выйти в Дикие Земли, нам придется пересечь эти горы – либо поверху, либо понизу. Да и оттуда еще очень далеко до Одинокой Горы, где Смауг стережет наши сокровища.

– А-а... – протянул Бильбо. И в ту же минуту на него навалилась такая усталость, какой он не знал никогда прежде.

Вновь он вспомнил о своем любимом кресле у камина в гостиной, ну и, разумеется, о закипающем чайнике... И разумеется, не в последний раз!

Теперь впереди ехал Гэндальф.

– Если прозеваем дорогу, пиши пропало, – обнадежил волшебник. – Во-первых, нам нужна провизия, во-вторых – отдых в сравнительно безопасном месте. А кроме того, в Туманных Горах нельзя сбиваться с пути, иначе рискуешь заблудиться – а тогда придется возвращаться и начинать все сначала, если вообще удастся вернуться!

Когда волшебника спросили, куда он их ведет, Гэндальф пояснил:

– Кое-кто из вас, наверное, знает, что мы вплотную подошли к Диким Землям. Где-то впереди – прекрасная долина Ривенделл: там находится Дом Элронда*, Последняя Гостеприимная Обитель по эту сторону Туманных Гор. Я послал Элронду весточку с друзьями, и нас там ждут.

Все это было очень хорошо, однако до Ривенделла еще предстояло добраться, а отыскать Дом Элронда в западных отрогах Туманных Гор было не так-то просто. Впереди и намек не было на долину, лес или хотя бы холм – голый пологий склон тянулся до самого подножия ближайшей горы: вереск да битый камень с редкими зелеными пятнами травы и мха там, где пробивались ключи.

Полдень уже миновал, а гномам так и не удалось обнаружить ни малейших признаков жилья посреди этой безмолвной каменной пустыни. Опасения их росли, поскольку стало очевидным, что Дом Элронда они могли и прозевать; то и дело под ногами разверзалась какая-нибудь узкая, зажата в скалах долина, и путники с удивлением видели далеко внизу лес и бегущую по дну ущелья речку. Попадались и трещины с водопадами в глубине – такие узкие, что казалось, их запросто можно перепрыгнуть, зато бездонные. Порой перед путниками открывались черные расщелины, в которые невозможно было спуститься, не говоря уже о том, чтобы их перепрыгнуть. Встречались и топи – с виду этакий веселенький зеленый лужок, усыпанный яркими цветочками на высоких стеблях, но пони с поклажей, неосторожно ступивший на такой лужок, уже никогда бы оттуда не выбрался.

Оказалось, что от брода до подножия Туманных Гор куда дальше, чем представлялось сначала, и Бильбо не переставал этому удивляться. Тропа, которой они придерживались, была

обозначена белыми камушками, подчас едва различимыми во мху и вереске. Путники продвигались вперед очень медленно, несмотря на то что вел их сам Гэндальф, и вел, надо сказать, довольно уверенно.

Отыскивая белые камушки, волшебник то и дело нагибался, бородой почти доставая до земли; и вновь они шли вперед, и казалось, конца этому не будет... Близился вечер. Время чая давно миновало, а время ужина, похоже, собиралось последовать его примеру. В воздухе замелькали мотыльки, свет померк, луна всходить не спешила. Пони под Бильбо начал спотыкаться. И вдруг они оказались на краю крутого обрыва, да так внезапно, что лошадь волшебника едва не ступила за край.

– Вот мы и пришли! – объявил Гэндальф.

Все спешили и столпились на краю обрыва. Далеко внизу лежала долина. Оттуда доносилось журчание речки, бегущей по каменистому руслу, пахло лесом, а за речкой горели огоньки.

До конца жизни запомнил Бильбо спуск в таинственную долину Ривенделл по крутой петляющей тропке, в густых сумерках. Чем ниже они спускались, тем теплее делался воздух и сильнее становился дурманящий запах сосен, так что Бильбо начал клевать носом, то и дело больно стучаясь лбом о загривок пони. Чем ниже спускались путники, тем лучше становилось у них настроение. Вместо сосен пошли дубы и вязы. Даже сумерки были здесь какими-то уютными. Когда путники оказались наконец на широкой луговине у речки, трава уже окончательно потеряла свой зеленый цвет.

«Однако дело пахнет эльфами!»* – подумал Бильбо и взглянул на звезды.

Яркие, светлые, они отливали голубизной. И вдруг откуда-то из-за деревьев, словно взрыв смеха, грянула звонкая песня:

Куда вы и что вы,
Усталые гномы?
Посбились подковы,
Заждались давно мы!
Шагайте живей!
Эгей!

Усталые ножки,
Бредете куда вы?
Пекутся лепешки,
Дымятся приправы!
Веселье у нас
Сейчас! Ха-ха!

Зачем же дорогу
Мести бородами?
Осталось немного —
И встретитесь с нами!
А нынче едва ли
И Балин, и Двалин
Соскучатся с нами —
И хоббит! Ха-ха!

Ну что вы там встали?
Какая заминка?

Пусть пони устали,
Пропала тропинка —
Не нужно бояться!
Давайте смеяться!
А мы не прочь
Смеяться всю ночь!
Ха-ха!

Вот такую песню пели в лесу и смеялись. Наверное, слова этой песни покажутся вам презрительной чепухой. Однако если бы вы надумали обратить на это внимание певших – они едва ли смутились бы и просто рассмеялись бы вам в лицо. То были, разумеется, эльфы! Вскоре в сгустившемся мраке Бильбо смутно разглядел их. Эльфы ему нравились, хотя раньше он с ними почти не сталкивался. Но при всем при том Бильбо их немножко и побаивался. А вот гномы-то эльфов как раз не жалуют. Даже такие здравомыслящие гномы, как Торин и его друзья, считали эльфов глупыми (а большую глупость трудно себе и представить!) и несносными, поскольку те имеют обыкновение подшучивать над гномами – особенно над их длинными бородами.

– Ну и ну! – крикнул кто-то из темноты. – Гляньте-ка! Хоббит Бильбо верхом на пони! Вот потеха-то! Каков красавчик!

– Чудеса в решете!

Тут эльфы запели другую песенку – столь же нелепую, как и предыдущая, с которой вы уже познакомились.

Наконец какой-то эльф, молодой и довольно высокий, выступил из-за деревьев и поклонился Гэндальфу и Торину:

– Добро пожаловать в Ривенделл!

– Благодарю, – без особой радости в голосе произнес Торин.

Однако Гэндальф уже спешился и оживленно беседовал сокружившими его эльфами.

– Вы немного сбились с пути, – сказал молодой эльф. – Если, конечно, вам нужна тропа, которая ведет к мосту и за речку, к Дому Элронда. Мы покажем вам дорогу, но здесь лучше спешиться, пока не пройдете мост. А может, останетесь и споете с нами? Или вы прямо к Элронду? Ужин, похоже, давно готов. Вон как тянет дымком!

Хотя Бильбо смертельно устал, он, пожалуй, задержался бы ненадолго. Ведь никогда не стоит упускать случая послушать пение эльфов в июньскую звездную ночь – если вы, разумеется, знаете в этом толк! А кроме того, ему хотелось перекинуться парой слов с этими эльфами, которые откуда-то знают, как его зовут и кто он такой, хотя сам он раньше их в глаза не видел. Интересно, что скажут они об их походе? Ведь эльфам многое известно, а по части новостей им просто нет равных. Они как-то сразу узнают обо всем, что еще только затевается.

Однако гномы, все как один, были за ужин (и по возможности поскорее!), а потому не пожелали задерживаться. Ведя своих пони в поводу, они двинулись дальше. Эльфы указали им торную тропу, которая привела наконец к берегу речки. Речка оказалась быстрой и громко журчала, как журчат летним вечером все горные речки, после того как солнце целый день палило снега на вершинах. Через речку был переброшен узкий каменный мост без каких-либо ограждений – такой узкий, что по нему едва мог пройти пони. Пришлось идти медленно и осторожно, один за другим, ведя лошадок под уздцы. А эльфы, пока вся компания переправлялась на ту сторону, освещали дорогу яркими фонариками и пели веселую песенку.

– Эй, папаша! – подтрунивали они над Ториним, который полз по мосту чуть ли не на четвереньках. – Бороду не замочи! Она и так вон какая вымахала – зачем еще поливать-то?

– За Бильбо! За Бильбо присмотрите! Не то съест все блинчики и не пролезет в замочную скважину!

– Тише, тише, благородные эльфы! Доброй ночи! – урезонивал их Гэндальф, который шел по мосту последним. – Долины имеют уши, а некоторые эльфы – слишком длинный язык. Доброй вам ночи!

Наконец путники подъехали к Дому Элронда и увидели, что двери гостеприимно распахнуты.

Вот ведь какое странное дело: о чем-нибудь хорошем, скажем, о приятно проведенном времени, рассказывается как-то быстро – да и слушают вполуха; а вот истории о чем-нибудь малоприятном, пугающем и отчасти жутковатом получаются зачастую очень длинными и пользуются неизменным успехом.

В гостеприимном Доме Элронда путники задержались по меньшей мере недели на две – и у них не возникало ни малейшего желания уходить оттуда. Бильбо с большим удовольствием остался бы там навсегда – и даже предложи ему кто-нибудь немедленно и без всяких хлопот вернуться в свою уютную хоббичью нору, вряд ли он соблазнился бы. Однако, как это ни печально, рассказать об их пребывании в Доме Элронда почти нечего.

Хозяин этого Дома был Другом Эльфов. Предки его пришли на Север давным-давно и упоминались еще в тех страшных прапрадавних легендах, где рассказывалось о войнах, которые вели с гоблинами эльфы и первые люди-северяне. В те дни, к которым относится наше повествование, еще не перевелись люди, в чьих жилах текла смешанная кровь эльфов и героев Севера, а Элронд, хозяин Дома, был среди них самым известным.

Он был прекрасен собой, как благородный эльф, могуч, как воин, мудр, как волшебник, строг и благообразен, как король гномов, мягок и ровен, как теплое лето. Имя его прочно вошло в легенды, но в нашей истории о Большом Приключении Бильбо роль Элронда не особенно велика, хотя и не так мала, в чем вы сможете убедиться, если нам удастся когда-нибудь добраться до конца этой повести. Дом Элронда был поистине Дом: там можно было есть, пить, слушать истории, петь песни, а можно было заниматься и тем, и другим, и третьим понемножку, в свое удовольствие. А Зло не имело доступа в долину Ривенделл.

Мне остается только пожалеть, что у меня нет времени пересказать вам и малую толику тех занимательных историй, которые услышали в Ривенделле гости, или привести здесь хотя бы пару песенок. Скажу только, что уже через несколько дней наши путники, равно как и их пони, как следует отдохнули и набрались сил. Поизносившаяся одежда была заштопана, синяки зажили, настроение у всех поднялось, и надежда на успех предприятия окрепла. Эльфы наполнили котомки гномов провизией – довольно легкой, но достаточно питательной, чтобы путникам хватило сил на тяжелый переход через горы. А кроме того, им надавали кучу полезных советов. Так они и дожили в Доме Элронда до кануна Преполовления Лета и с рассветом следующего дня собрались продолжить путь на восток.

Элронд был большим знатоком рун. Взглянув на мечи из пещеры троллей, он сказал:

– Их ковали не тролли. Это мечи старинной работы, сделанные моими родичами, Высшими эльфами Запада. Их выковали в Гондолине* для войны с гоблинами. Эти мечи, вероятно, стали добычей какого-нибудь дракона или гоблина, потому что много веков назад именно драконы и гоблины разрушили Гондолин. Это очень знаменитые клинки, и у каждого есть свое имя. Твой, Торин, зовется Оркрист*, что на языке Гондолина* означает «Сокрушитель Гоблинов». А тот, что у Гэндальфа, – Гламдринг, то есть «Молотящий Врагов». Некогда его носил король Гондолина. Берегите их!

– Интересно, как они попали к троллям? – подивился Торин, с любопытством разглядывая клинок.

– Трудно сказать наверняка, – покачал головой Элронд, – но легко догадаться, что ваши тролли ограбили каких-то других грабителей или, скажем, набрали на остатки сокровищ, припрятанных где-нибудь в горах Севера. Говорят, в заброшенных подземельях Мории до сих пор находят позабытые клады, зарытые там еще во времена войны гномов с гоблинами.

Торин глубоко задумался над словами Элронда.

– Я не посрамлю этого меча! – вдруг воскликнул он. – И да сокрушает он гоблинов ныне так же, как встарь!

– Боюсь, что этим ему и придется заняться, когда вы окажетесь в горах, – с улыбкой заметил Элронд. – А теперь покажите мне вашу карту.

Элронд взял карту и долго изучал ее, а затем покачал головой, так как не вполне одобрял замысел гномов и их наследственную любовь к золоту. Однако он ненавидел драконов, их жестокость и коварство. С болью в сердце вспоминал он развалины Дейла, его некогда звонкие колокола и опаленные огнем берега реки Бегучей. В вечернем небе ярко светил серебряный месяц. Элронд поднял карту и посмотрел ее на просвет.

– Что это? – воскликнул он. – Лунные буквы! Вот здесь, рядом с обычными рунами, гласящими: «Вход пяти локтей в высоту, трое пройдут плечом к плечу»!

– Какие такие лунные буквы? – захолопал глазами хоббит, ничего не понимая.

Я уже говорил, что Бильбо любил карты, а также всевозможные руны, буквицы и прочую каллиграфию. Правда, его собственные опыты оставляли желать лучшего.

– Лунные буквы, – пояснил Элронд, – это руническое письмо, видимое лишь в лунном свете. При этом подчас нужно, чтобы стояло то же время года и луна была в той же фазе, что и в тот день, когда эти руны были начертаны. Лунные буквы изобрели гномы – они чертили их

серебряными перьями. Об этом ты можешь расспросить своих друзей. Похоже, эти руны были нанесены на карту именно в канун Преполовения Лета, при ясном месяце, и достаточно давно.

– Что же они гласят?! – не выдержали Гэндальф с Торин, несколько раздосадованные тем, что лунные буквы обнаружил Элронд, а не они сами, хотя, как выяснилось, они и не могли сделать этого раньше, да и смогли бы когда-нибудь – тоже еще неизвестно.

– «Встань у серого камня, когда застучит дрозд, – прочел Элронд, – и последние лучи заходящего солнца в День Дьюрина укажут замочную скважину».

– Дьюрин! Великий Дьюрин! – воскликнул Торин. – Это праотец древнейшего гномьего рода Длиннобородов! И ваш покорный слуга – прямой потомок и наследник Дьюрина!

– А что это за День Дьюрина? – спросил Элронд.

– Это первый день нашего Нового Года, – пояснил Торин. – Как вам, должно быть, известно, это первый день последней луны осени – на самом пороге зимы. В День Дьюрина луна и солнце стоят в небе одновременно. Правда, боюсь, нам это мало поможет, так как мы давно разучились высчитывать, когда наступает этот день.

– Поживем – увидим, – заметил Гэндальф. – Есть ли там еще лунные буквы?

– При этой луне больше ничего не видно, – сказал Элронд и вернул карту Торину, после чего все спустились к речке и присоединились к пляшущим и поющим эльфам, которые праздновали канун Преполовения Лета.

Утро выдалось свежим и прекрасным. О таком можно было только мечтать: на голубом небе ни облачка, на воде пляшут солнечные блики... И путники двинулись дальше, получив на прощание хорошую порцию песен и добрых напутствий. Теперь они были готовы к новым приключениям, а кроме того, твердо знали дорогу, которая вела через Туманные Горы.

Глава IV. В Гору и под Гору

Много троп в Туманных Горах и много перевалов – однако тропы эти большей частью обрываются и ведут в никуда, а то и куда похуже; перевалы же, все как один, смертельно опасны, и там на каждом шагу путника подстерегают нехорошие твари. Тем не менее гномы и хоббит, следуя мудрым наставлениям Элронда и полагаясь на опыт и память Гэндальфа, шли вперед и вперед, твердо придерживаясь единственно верной тропы.

С тех пор как они покинули Дом Элронда, прошло уже несколько дней, и гостеприимная долина Ривенделл осталась далеко позади, а путники поднимались все выше, выше и выше... Трудная, опасная тропа! Извилистый, пустынный, бесконечный путь! Далеко внизу расстилались покинутые ими земли. Бильбо знал, что где-то там, далеко-далеко на Западе, за голубоватой белесой дымкой, осталось его родное Заселье и уютная нора, где все было так славно – и никаких тебе опасностей... Бильбо поежился. Холодать стало... Поднялся ледяной ветер. Яркое солнце палило снега, вниз по склонам то и дело скатывались огромные камни – и хорошо еще, если они проносились между путниками, которые длинной цепочкой растянулись по тропе, но иной раз валун пролетал прямо над головой, что и вовсе грозило крупными неприятностями*. Ночевки были холодными и неудобными; ни о каких удобствах в горах не могло быть и речи, не говоря уже о песнях и даже громких разговорах, потому что эхо здесь было каким-то недобрым, – казалось, горы не желали, чтобы безмолвие их нарушало что-либо, кроме шума воды, завывания ветра и грохота камней.

«А внизу лето в самом разгаре, – думал Бильбо, тяжело вздыхая, – сено, поди, давно уже косят, пикники устраивают... Если так и дальше пойдет, то, пока мы перевалим через эти горы, у нас небось урожай соберут и ежевика поспеет...»*

У остальных настроение было не лучше. А между тем, прощаясь с Элрондом теплым летним утром, все были полны надежд и радостно предвкушали, как перевалят через горы и двинутся дальше. Гномы рассчитывали добраться до потайного хода в Одинокой Горе никак не позже первого осеннего новолуния. «Как раз ко Дню Дьюрина и поспеем», – приговаривали они. Один только Гэндальф с сомнением покачивал головой да помалкивал. Гномы уже много лет не бывали в тех местах, а Гэндальф-то бывал и прекрасно знал, насколько опасно стало в Дикоземье с тех пор, как драконы выжили оттуда людей и там в невероятных количествах расплодились гоблины, победившие в битве за Морийские Копи. Так что даже самый тщательно продуманный план, составленный таким мудрым волшебником, как Гэндальф, и таким добрым другом, как Элронд, вполне мог провалиться из-за непредвиденных обстоятельств – кто-кто, а Гэндальф это хорошо понимал.

Гэндальф, разумеется, понимал, что они могут столкнуться с чем-нибудь неожиданным, и не тешил себя надеждой, что им удастся без приключений перевалить через эти могучие горы с их уходящими в небо пиками и безмолвными долинами, где давно уже не ступала нога человека и где не правил ни один король. Волшебник оказался прав. Все шло своим чередом до тех самых пор, пока однажды они не попали в грозу – а лучше сказать, в грозищу! Всякий знает, как страшна настоящая гроза на равнине – особенно когда, грохоча, сходятся две грозовые тучи. Можете себе представить, что творилось в горах, когда, двигаясь навстречу друг другу с востока и запада, изрыгая громы и молнии, две грозы сошлись на страшную битву, да еще ночью! Молнии били в горные пики, скалы содрогались от ударов, неимоверный грохот

раскалывал небо и прокатывался по ущельям, эхом отдаваясь в самых глубоких пещерах, и тьма готова была лопнуть от громовой канонады и ослепительных вспышек.

Бильбо и представить себе не мог ничего подобного. Гроза застала их на узком карнизе, который обрывался в бездонную пропасть. Ночлег устроили под нависшей скалой. Хоббит натянул на голову одеяло и дрожал как осиновый лист. Выглянув в щелочку при вспышке молнии, он увидел на другой стороне ущелья каменных великанов*, которые играючи швыряли друг другу огромные обломки скал, ловили их и бросали в черную пропасть, где те с треском ломали стволы вековых деревьев и с грохотом разбивались вдребезги. Тут поднялся ветер и хлынул ливень, причем ветер все время менял направление, и нависающая скала уже не могла защитить путников от града и струй косога дождя. Вскоре они промокли до нитки, а пони, понуриив головы и поджав хвосты от страха, тихонько всхрапывали. Над горами стоял злоеший хохот разыгравшихся великанов.

– Нельзя здесь больше оставаться! – подал голос Торин. – Даже если нас не сдует, не смоеет и не убьет молнией, мы сильно рискуем попасть под ногу какому-нибудь великану, который нечаянно пнет кого-нибудь из нас, как футбольный мяч, и отправит погостить на луну.

– Ну, если ты знаешь местечко получше, отведи нас туда, и поскорей! – сварливо откликнулся Гэндальф, которому зрелище великаньих игр тоже, признаться, не доставляло особого удовольствия.

Дело кончилось тем, что Кили с Фили были отправлены поискать убежище понадежнее. А поскольку эти двое обладали острым зрением, а кроме того, были лет на пятьдесят моложе других гномов, то подобные поручения всегда выпадали на их долю (разумеется, только в тех случаях, когда всем было совершенно ясно, что от Бильбо толку не будет).

«Кто ищет, тот всегда найдет! – примерно так напутствовал Торин молодых гномов. – Хоть что-нибудь, а обязательно найдет! Правда, не всегда то, что ищет!»

Торин оказался совершенно прав. Кили с Фили вернулись довольно быстро; передвигались они ползком, цепляясь за камни, чтобы не снесло ветром.

– Мы нашли сухую пещеру! – доложили они. – Тут совсем рядом, за поворотом. Места хватит на всех, и на пони тоже!

– А вы внимательно посмотрели? – строго спросил волшебник.

Он-то знал, что пещеры в горах редко бывают необитаемыми.

– Конечно! – дружно ответили Кили с Фили, хотя всем было ясно, что на тщательный осмотр у них просто не было времени: слишком уж быстро они вернулись. – Не такая уж она большая и глубокая!

На самом деле в том-то и заключается коварство пещер – никогда не знаешь, насколько они глубоки, и куда ведут ходы, и что тебя там ожидает. Как бы то ни было, все сочли, что Кили с Фили принесли хорошие вести. Путники поднялись и стали собираться. Ветер завывал по-прежнему, и громахание в небесах продолжалось, так что немалых трудов стоило, ведя пони в поводу, добраться до пещеры. К счастью, она и в самом деле оказалась недалеко, и вскоре, обогнув большую скалу, они оказались перед низким входом. Он был так узок, что пони, даже развьюченные и расседланные, едва протиснулись. Войдя в пещеру, путники перевели дух – приятно было сознавать, что ветер и ливень беснуются где-то там, снаружи, не говоря уже о том, что резвящиеся великаны теперь не могли причинить им никакого вреда. И все же Гэндальф не хотел рисковать попусту. Он засветил свой жезл – точно так же, как сделал это в столовой у Бильбо (о, как давно это было!), – и они тщательно обследовали все вокруг.

Пещера оказалась большой, но не слишком, и ничуть не таинственной. Тут было сухо и вполне удобно. Хватило места и для пони – опустив головы в торбы с овсом и отфыркиваясь, они смиренно стояли в сторонке и явно радовались перемене обстоятельств. Оин с Глоинном хотели было развести у входа костер и просушить одежду, но Гэндальф запретил им даже думать об этом. Пришлось раскладывать мокрую одежду прямо на земле и лезть в тюки за

сухой; затем гномы поплотней завернулись в одеяла, вынули трубки и стали пускать колечки, а Гэндальф для забавы окрашивал их в разные цвета и заставлял выделять всевозможные выкрутасы. Гномы загомонили и постепенно забыли о грозе. Они даже принялись обсуждать, кто как поступит со своей долей сокровищ (получив их наконец на руки, – а в том, что этот миг наступит, они на радостях несколько не сомневались); мало-помалу их одолела дремота, и они, один за другим, заснули. Больше им не довелось увидеть ни своих пони, ни тюков и выюков, ни припрятанного в них скарба.

События этой ночи со всей очевидностью показали, что, взяв себе в спутники хоббита Бильбо, гномы поступили мудро. Бильбо долго не мог заснуть, а когда наконец заснул, ему приснился прегадкий сон. Ему снилось, что трещина в дальней стене пещеры становится все шире и шире. От страха Бильбо окаменел и не мог ни на помощь позвать, ни даже пошевелиться; он просто лежал и смотрел. Потом ему приснилось, что земля под ним наклоняется, и вот он скользит и падает, падает – неизвестно куда!

Он проснулся в холодном поту и обнаружил, что сон оказался явью! Трещина в дальнем конце пещеры и в самом деле раздалась, превратившись в довольно широкий проход. Бильбо едва успел заметить, как в темноте прохода мелькнул хвост последнего пони. Хоббит, естественно, завопил что было мочи. Только хоббиты умеют так вопить – для их скромных размеров, надо заметить, на удивление громко.

И тут из трещины повыскакивали гоблины, здоровенные гоблины, огромные уродливые гоблины, гоблин, можно сказать, на гоблине, – да так быстро, что вы бы и пикнуть не успели! По меньшей мере по шесть штук на каждого гнома и никак не меньше двух – на Бильбо! Они живо похватили всех, кто был в пещере, и поволокли в трещину. Всех, но только не Гэндальфа! Бильбо вопил не напрасно: волшебник мгновенно проснулся, и, когда гоблины бросились на него, в пещере сверкнула подобная молнии ослепительная вспышка. Запахло порохом, и несколько гоблинов упали замертво.

Тут же проход в стене со стуком захлопнулся, и Бильбо с гномами оказались отрезанными от пещеры! А что же Гэндальф? Ни гномы, ни гоблины не имели ни малейшего представления, что с ним случилось, а гоблинам недосуг было и выяснять. Они схватили пленников и поволокли их по проходу. Туннель уводил куда-то в глубь горы, в глубь, в темноту, где только гоблины, привыкшие жить глубоко под землей, могли что-либо разглядеть. Сеть подземных туннелей была весьма разветвленной и запутанной, но гоблины отлично знали дорогу и шли уверенно – ну совсем как вы ходите на почту. Туннель уходил все ниже и ниже, стало невыносимо душно. Гоблины особенно не церемонились с пленниками – они то и дело преобильно щипали их, а сами при этом хрипло гоготали. Хоббит совсем раскис: это было еще хуже, чем висеть вниз головой в лапах у тролля. Ему отчаянно захотелось немедленно оказаться в своей уютной хоббичьей норе – и надо заметить, захотелось далеко не в последний раз!

Но вот впереди показалось красное зарево. Гоблины запели, точнее сказать – закаркали, отбивая ритм босыми ступнями и немилосердно потряхивая пленников:

Боб! Доб! Шлеп! Хлоп!
Тяп! Ляп! Оп! Цап!
Бум! Бом! Здесь наш дом!
Шире шаг! Поднажми!

Грох! Трах! Ух! Страх!
Пык! Мык! Гоп! Тык!
Топ! Топ! Скоро стоп!
Хо-хо! Поднажми!

Щелк! Хлясь! Дзынь! Хрясь!
Кнут, бей сильнее!
Эй! Давай! Не зевай!
Прочь писк! Визг вдрызг!
Жи-во! В логово!
А ну, поднажми!

Звучало это жутковато. Зловещее эхо гулко повторяло «Шлеп! Хлоп!», «Грох! Трах!» и бесконечно множило хрипкое «Хо-хо! Поднажми!». Песню гоблинов понять было немудрено – тем более что гоблины достали кнуты и плети и – «Щелк! Хлясь!» – погнали пленников перед собой. Попискивая, повизгивая и подвивая от боли, гномы ввалились наконец в большую пещеру.

Посередине пылал огромный костер, на стенах горели факелы. Пещера была полным-полна гоблинов. Увидев гномов, подгоняемых щелканьем кнутов (несчастный Бильбо еле поспевал за гномами и плелся в хвосте, то есть ближе всех к плетям и кнутам!), гоблины дружно загоготали, затопали ногами и захлопали в ладоши. Пони стояли тут же у стены; рядом валялась поклажа путешественников – гоблины рылись во вспоротых мешках и тюках, гоблины ощупывали гномьи пожитки, гоблины обнюхивали их драгоценные припасы и, переругиваясь, растаскивали гномье барахлишко по углам.

Увы, гномы в последний раз видели своих замечательных пони, в том числе и славного крепыша белой масти, которого Элронд подарил Гэндальфу взамен лошади, не годившейся для горных троп. Дело в том, что гоблины вечно голодны и охотно едят конину, ослатину и (если можно так выразиться!) «понину», не говоря уже о таком, о чем и подумать-то страшно. Правда, сейчас пленникам было не до пони – они боялись за себя. Гоблины живо скрутили им руки за спиной, сковали всех одной цепью и загнали в угол пещеры. Бедный Бильбо, как всегда, оказался крайним.

У стены, на большом плоском камне, восседал огромный гоблин с непомерно большой головой. Вокруг него стояли гоблины поменьше, вооруженные топорами и кривыми саблями. Следует заметить, что все гоблины хитры, злы и жестоки. Ничего хорошего делать они не умеют, зато большие мастера чинить всякие пакости. Впрочем, гоблины могут рыть туннели и не хуже иных гномов, если, конечно, захотят; только вот ходят вечно грязными и чумазыми. Еще они умеют изготавливать топоры и молотки, мечи, кинжалы и пики, а также щипцы и прочие орудия пыток, но обычно заставляют работать других – то есть обращенных в рабство пленников, которые рано или поздно умирают от недостатка воздуха и света. Не исключено, что именно гоблины изобрели страшные устройства, которые и по сию пору не дают миру спать спокойно, – я имею в виду хитроумные приспособления, позволяющие убить множество живых существ разом. Дело в том, что гоблины издревле увлекаются всевозможными механизмами, машинами и особенно взрывчаткой – и все потому, что при всяком удобном случае стараются увильнуть от работы. Но в те времена в диких Туманных Горах гоблины еще не были настолько, так сказать, развиты. Не то чтобы гоблины питали к гномам особую ненависть – вовсе нет; просто они ненавидели всех и вся, а больше всего – тех, кто жил в покое и довольстве. Кое-где некоторые вконец опустившиеся гномы даже заключали с гоблинами союзы. Что же касается гномов из племени Торина, то вот их-то как раз гоблины ненавидели лютой ненавистью из-за упоминавшейся выше войны, о которой здесь я рассказывать не буду. А вообще, гоблинам все равно кого хватать – лишь бы все было шито-крыто и жертва не особенно сопротивлялась.

– Кто эти мерзавцы? – проворчал Большой Гоблин.

– Гномы! – рявкнул один из погонщиков. – А с ними вот этот! – И гоблин так сильно дернул за цепь, что Бильбо упал на колени. – Они прятались в пещере у Главного Входа.

– Какого рожна? – Большой Гоблин повернулся к Торину. – Небось напакостить хотели! А то с чего бы им совать нос в дела моего народа? Нисколько не удивлюсь, если они воры! А еще, чего доброго, убийцы и пособники эльфов! Иди сюда! Что скажешь?

– Гном Торин, к вашим услугам! – пролепетал Торин (разумеется, это была простая учтивость!). – Ничего такого, о чем вы тут говорите, мы не замыслили. Мы просто укрылись от грозы в первом же подходящем месте. Да и пещера была пуста... В наши планы никоим образом не входило вмешиваться в дела гоблинов!

Тут Торин сказал сущую правду!

– Хм! – фыркнул Большой Гоблин. – Вот, значит, как! Но позволь спросить, что вам понадобилось в наших горах, откуда вы притащились и куда вас несет? Я хочу знать все! Впрочем, это едва ли облегчит твою участь, Торин Дубоцит! Как видишь, я хорошо осведомлен о твоих делах. Выкладывай-ка лучше правду, а не то тебе сильно не поздоровится!

– Мы идем в гости к нашим родственникам – к нашим племянникам и племянницам, двоюродным, троюродным и четвероюродным, и к прочим потомкам наших пращуров, живущим к востоку от этих воистину гостеприимных гор... – витиевато начал Торин, не очень-то хорошо представляя себе, как выкладывать правду, когда это ну совершенно невозможно!

– Он лжет, о Воистину Ужасный! – оборвал Торина один из погонщиков. – Несколько наших воинов убило молнией, когда мы пригласили этих мерзавцев пройти с нами! Наши воины мертвы, как камни! Пусть лучше скажет, откуда у него вот это? – И гоблин показал отобранный у Торина меч – меч из пещеры троллей.

Увидев его, Большой Гоблин издал чудовищный вопль, а гоблины из его охраны заскрежетали зубами, загремели оружием и затопали ногами. Они сразу узнали этот меч. Не одну сотню их соплеменников поразил он в свое время, когда эльфы бились с гоблинами на холмах и под стенами Гондолина. Эльфы называли его Оркрест, что значит Сокрушитель Гоблинов, а гоблины – просто Рубилом. Они люто ненавидели этот меч, а еще больше – того, кто его носит.

– Я же говорил! Убийцы и пособники эльфов! – заорал Большой Гоблин. – Бей их! Хлещи их! Коли их! Грызи их! Бросить их в темную яму со змеями, чтоб никогда больше не видели света!

Он так рассвирепел, что вскочил с камня и, оскалив пасть, бросился на Торина.

В это мгновение все факелы вдруг погасли, а костер потух; из него поднялся огромный столб светящегося сизого дыма, который с ног до головы осыпал гоблинов жгучими искрами.

Началась неопишуемая суматоха, визг и писк, трещание и верещание, крики, вопли, стоны и проклятия! Сотня диких кошек и волков, которых заживо поджаривают на медленном огне, не сумела бы произвести такого шума! Искры прожигали гоблинов насквозь, а в сплошном дыму даже их острые глаза не могли ничего рассмотреть. Вскоре все они повалились друг на друга и как бешеные стали кататься по полу пещеры, неистово кусаясь и лягаясь.

Вдруг в дыму сверкнул сияющий меч и на глазах у Бильбо вонзился в Большого Гоблина. Тот упал замертво, а его охранники с воплями бросились прочь, во тьму.

Меч вернулся в ножны.

– Живо за мной! – сказал кто-то твердо и спокойно. И прежде чем Бильбо понял, что произошло, он уже мчался вслед за гномами по темному коридору. Вопли гоблинов за спиной становились все тише и тише. Впереди маячило какое-то слабое сияние.

– Поторапливайтесь! – снова раздался голос. – Скоро снова зажгут факелы!

– Минуточку! – попросил Дори, семенящий как раз перед Бильбо.

Он сжалился над хоббитом и, насколько позволяли скованные за спиной руки, помог Бильбо вскарабкаться к себе на закорки; затем все двинулись дальше, где бегом, где шагом, позвякивая цепями, непрерывно спотыкаясь и падая. Вскоре они остановились. Не было никаких сомнений в том, что они находятся в самом дальнем закоулке подземных переходов.

Тогда Гэндальф – а это был, разумеется, Гэндальф! – засветил свой жезл поярче. Конечно, гномам сейчас было не до расспросов. Волшебник вновь вытащил меч из ножен, и тот слабо замерцал. В прошлый раз, когда гоблины были рядом, он сверкал как молния, а теперь светился тихим голубым сиянием*, словно был доволен тем, что убил огромного хозяина подземной пещеры. Нечего и говорить, что меч мгновенно перерубил цепи и освободил истомившихся пленников. Если вы еще не забыли, то был Гламдринг – Молотящий Врагов. Сами-то гоблины называли его Кувалдой и ненавидели еще больше, чем Рубило, если только возможно такое представить. Оркрест тоже был вызволен из плена, так как Гэндальф вовремя выхватил

его у охранника. Волшебник успел подумать обо всем и, хотя был далеко не всемогущ, на этот раз оказал огромную услугу своим друзьям, попавшим в безвыходное положение.

– Никого не потеряли? – спросил он, с поклоном вручая Торину Оркрест. – А ну-ка, проверим: раз, два, три, четыре, пять, шесть, семь, восемь, девять, десять, одиннадцать... А где Кили с Фили? Ах, вот они! Значит, двенадцать, тринадцать и господин Бэггинс – четырнадцать! Отлично! Бывает и хуже, хотя, с другой стороны, бывает и лучше. А теперь вот – ни пони, ни еды, ни малейшего представления, где мы находимся, да еще полчища гоблинов на хвосте в придачу! Вперед!

И они поспешили дальше. Гэндальф оказался совершенно прав: вскоре в глубине туннеля, оставшегося за спиной, послышались крики и устрашающие вопли гоблинов. Это заставило гномов еще больше поторопиться – следует сказать, что гномы, если потребуется, могут бежать весьма быстро! А поскольку бедный Бильбо и вполтину не имел такой прыти, гномы по очереди брали его к себе на закорки.

И все же гоблины бегают куда быстрее гномов, а здешние гоблины к тому же знали дорогу как свои пять пальцев, поскольку сами же и рыли эти туннели; кроме того, они были вне себя от злости, так что крики и вопли гоблинов за спиной становились все громче и громче. Вскоре гномы различили и топот босых ног. Казалось, преследователи вот-вот выскочат из-за поворота. Позади разгоралось красное зарево факелов – а гномы уже почти выбились из сил.

– И зачем, зачем только я покинул свою нору? – всхлипывал несчастный Бильбо, подпрыгивая на спине Бомбура.

– И зачем, зачем только мы взяли с собой этого жалкого хоббита? – ворчал Бомбур.

Если вы еще не забыли, он был весьма тучен и обливался потом от усталости и страха.

Тут Гэндальф переместился в арьергард, и Торин последовал его примеру. Миновав крутой поворот, Гэндальф крикнул Торину:

– Стой! Доставай меч!

Это было последнее средство – и оно подействовало! Выскочив из-за поворота на полном ходу, гоблины с ужасом увидели прямо перед собой сияющие холодной сталью Оркрест и Гламдринг. Передние гоблины выронили факелы и, не успев даже вскрикнуть, упали мертвыми. Остальные завопили пуще прежнего и бросились назад, сбивая с ног бегущих навстречу. «Рубило и Кувалда!» – вопили они. Образовалась большая свалка – и вскоре гоблины во весь дух мчались по туннелю, но уже в обратном направлении.

Довольно продолжительное время никто из гоблинов не осмеливался даже заглянуть за этот проклятый поворот. А гномы тем временем побежали дальше – дальше по темному туннелю, в таинственные владения гоблинов. Между тем их преследователи пришли в себя, снова зажгли факелы, надели мягкую обувь и, выбрав самых быстроногих, остроглазых и остроухих, отправили в погоню за беглецами. На этот раз гоблины были не только быстры, как хорьки, но и бесшумны, как летучие мыши.

Вот почему ни Бильбо, ни гномы, ни даже Гэндальф ничего не услышали. И не увидели. А гоблины, тенью следуя позади, видели их отлично, потому что Гэндальф слегка засветил свой жезл, чтобы гномы не переломали себе в темноте ноги.

И вдруг Дори, бежавший теперь последним с Бильбо на закорках, почувствовал, что его схватили за ногу. Дори вскрикнул и упал. Хоббит кубарем покатился куда-то в темноту, стукнулся головой о камень и потерял сознание.

Глава V. Загадки во мраке

Открыв глаза, Бильбо даже засомневался: открыл ли? Вокруг стоял такой мрак, что с тем же успехом глаза можно было и не открывать. Рядом никого не было. Представляете, как хоббит испугался? Он ничего не видел, ничего не слышал и не ощущал ничего – только холод каменного пола.

Кое-как встав на четвереньки, он принялся ощупывать камни вокруг себя. Наконец рука его наткнулась на стену туннеля, но справа и слева зияла пустота: рядом не было ничего. Ничего и никого – ни гоблинов, ни гномов. Голова у Бильбо кружилась. Он не мог даже сказать с уверенностью, в какую сторону бежали гномы перед тем, как он упал. Выбрав наконец одно из направлений, которое ему показалось верным, хоббит, не вставая с четверенек, пополз по туннелю. Полз он довольно долго – и вдруг под руку ему попало нечто, на ощупь напоминавшее холодное металлическое колечко. Это было поворотное событие в жизни хоббита, но сам он об этом даже не догадывался*. Не долго думая он взял да и сунул колечко в карман; в это мгновение у него и в мыслях не было, что оно может ему как-то пригодиться. Вскоре он остановился и, сев на холодный пол, предался горестным размышлениям. Он представил себе, что находится у себя дома, на кухне, и жарит яичницу с беконом, – у бедняги давно уже сосало под ложечкой... Самое время чем-нибудь подкрепиться! Но от этих мыслей ему стало только хуже.

Бильбо никак не мог сообразить, что же ему теперь делать. А главное – ему было совершенно непонятно, что, собственно, произошло, почему гномы бросили его, и если уж бросили, то почему гоблины не подобрали? И вообще, почему так болит голова? А дело обстояло довольно просто; упав, он лежал тихо и без движения в темном углу – вот его и не заметили; как говорится, с глаз долой – и голова в кустах! Так, не подавая признаков жизни, он пролежал неизвестно сколько времени.

Немного погодя Бильбо нашупал трубку. Уже кое-что! Затем он нашупал кисет. В нем остался табачок – кое-что еще! Затем он принялся шарить по карманам в поисках спичек – но тщетно! Все его надежды разом рухнули. Правда, по здравом размышлении, Бильбо пришел к выводу, что нет худа без добра. Кто знает, какую беду накликали бы на него в этом ужасном подземелье чирканье спичками и табачный дым! И все же в первый момент хоббит пришел в отчаяние. Однако, похлопав себя по карманам и ошупав куртку и штаны, Бильбо наткнулся на рукоять меча или, вернее, кинжала, того самого, который он подобрал в пещере троллей. Хоббит о нем совсем позабыл, да и гоблины его не заметили, потому что Бильбо спрятал кинжал под курткой, поближе к телу.

Он вытащил меч из ножен – и тот слабо засветился у него перед глазами.

«Этот клинок, наверное, тоже эльфийский, – сообразил хоббит. – Значит, поблизости гоблинов нет, хотя не так уж они и далеко, чтобы можно было успокоиться».

Тем не менее он немного успокоился. Хорошо все-таки иметь меч, выкованный не где-нибудь, а в Гондолине, и не для чего-нибудь, а для знаменитых войн с гоблинами, о которых сложено столько песен! А кроме того, хоббит еще не забыл, как пугаются гоблины, если помахать у них перед носом эльфийским оружием!

«Пойти обратно? – раздумывал Бильбо. – Никакого смысла! Вбок? Вроде некуда... Вперед? Конечно! Только вперед!»

Хоббит встал на ноги и двинулся по туннелю, одной рукой держа перед собой обнаженный меч, другой ощупывая стену. Сердце у него колотилось, а душа ушла в пятки...

Следует признать, что Бильбо попал в безвыходное положение. Однако не стоит забывать, что для хоббита это положение было не таким безвыходным, каким показалось бы, скажем, нам с вами. Дело в том, что хоббиты все-таки сильно отличаются от людей. Несмотря на то

что хоббичьи норы – чистые, уютные, хорошо проветренные – не чета гоблинским туннелям, хоббитам куда как привычнее под землей, чем нам, да и направление в пещерах они теряют не так-то быстро – тем более когда голова после удара о камни уже почти и не болит и в мыслях проясняется. Кроме того, ступают хоббиты почти бесшумно, прячутся с непревзойденной ловкостью, сравнительно быстро оправляются после синяков и ушибов, а главное – держат в голове неисчерпаемый запас мудрых пословиц и поговорок, причем таких, каких люди по большей части никогда и не слыхивали, а если и слыхивали, то давным-давно забыли.

При всем при этом не хотелось бы мне оказаться на месте господина Бэггинса! Казалось, что туннель не кончится никогда. Он вел все прямо и прямо, не меняя направления, если не считать одного-двух незначительных поворотов. То и дело попадались боковые ответвления – ведя рукой по стене, Бильбо обнаруживал их на ощупь и даже мог в слабом сиянии своего меча разглядеть их неясные очертания. Внимания на эти боковые ходы хоббит не обращал, только старался побыстрее прошмыгнуть мимо, опасаясь, что оттуда ненароком выскочит гоблин или, чего доброго, еще какая-нибудь неведомая и страшная тварь. Вокруг по-прежнему не было слышно ни звука, если не считать того, что над ухом то и дело проносились летучие мыши. Поначалу хоббит каждый раз пугался и вздрагивал, но мышей становилось все больше, и вздрагивать ему скоро надоело. Сколько он так шел, преодолевая страх и в то же время боясь остановиться, – не знаю, однако долго ли, коротко ли, а кончилось тем, что Бильбо выдохся, то есть устал так, что дальше некуда. Ему стало казаться, что уже наступило по меньшей мере завтра, а может, и послезавтра.

Вдруг ноги Бильбо неожиданно, без всякого предупреждения, зашлепали по воде. Бр-р! Ледяная! Хоббит вмиг забыл про усталость и весь подобрался. Кто знает, что это такое – просто лужа, подземный ручей, а может, целое пещерное озеро? Меч почти не светился. Бильбо замер и прислушался. «Кап-кап-кап!» – капала вода откуда-то сверху, из темноты. И больше как будто ничего.

«Значит, никакая это не река и не ручей, а лужа или озеро», – заключил хоббит.

И все-таки в такой темноте идти вброд он не отваживался. Плавать Бильбо не умел, и, кроме того, ему подумалось о шныряющих в подземной воде противных скользких тварях со слепо выпученными глазами. В самом деле, довольно странные существа водятся в подземных озерах и лужах, находящихся глубоко под горами, к примеру, рыбы, прародители которых заплыли сюда в незапамятные времена да так и не выплыли. Пытаясь хоть что-нибудь разглядеть в кромешном мраке, они тарасили и тарасили глаза – и глаза у них становились все больше, больше и больше. Впрочем, помимо рыб, попадают в подземных озерах и твари куда более скользкие. Даже в туннелях и пещерах, которые гоблины прорыли для себя сами, встречаются неизвестные хозяевам существа, прокрававшиеся туда извне и таящиеся во мраке. Но и пещеры, где хозяйничают гоблины, не все пробиты ими самими – некоторые существовали задолго до их прихода. Гоблины только расширили подземные переходы и соединили пещеры новыми туннелями; однако прежние хозяева не ушли – они затаились в укромных уголках и, по временам выбираясь оттуда, рыскали по темным коридорам.

Здесь, глубоко под землей, у черного подземного озера, жил старый Голлум* – тварь невеликая, но довольно противная. Откуда он там взялся – не знаю; не знаю я и того, кто он был такой и что он был такое. Голлум – и все тут! Голлум, черный, как сама чернота, черный с головы до ног – не считая двух больших и круглых, как плоски, белесых глаз на костистом лице. У Голлума был челнок, в котором он совершенно бесшумно разъезжал по всему озеру (а это было именно озеро – большое, глубокое и ледяное). Свесив ноги за борт, он загребал большими плоскими ступнями, причем без единого всплеска. Не таков был Голлум, чтобы шуметь попусту! Своими круглыми глазами он высматривал слепую рыбку и с быстротой молнии выхватывал ее из воды длинными цепкими пальцами. Мясо он тоже любил и при случае не прочь был полакомиться гоблином, но прикладывал все старания, чтобы эти самые гоблины о

нем не прознали. Обычно он нападал на них сзади и душил – если только гоблину случалось забрести на берег озера, где промышлял Голлум. Случалось это, правда, крайне редко: гоблины чувствовали, что здесь, у озера, под самыми корнями гор, их не ожидает ровным счетом ничего хорошего. Наткнулись они на это подземное озеро давно, еще в те времена, когда пробивали свои туннели, но перебраться на ту сторону не смогли, поэтому дорога здесь и обрывалась – так что ходить сюда было, в общем-то, незачем, разве что Большой Гоблин пошлет. Время от времени у него возникало желание отведать озерной рыбки. Правда, время от времени в итоге получалось, что он оставался и без рыбки, и без рыбака...

Если говорить точнее, Голлум жил на осклизлом островке посреди озера. Его белесые глаза, зоркие, как подзорная труба, издали высмотрели хоббита и теперь следили за ним. Бильбо Голлума, конечно, не видел, а тот, сообразив, что перед ним вовсе не гоблин, пришел в некоторое замешательство и решил не торопиться.

Он сел в челнок и отчалил от острова, а Бильбо тем временем, оказавшись в тупике в прямом и переносном смысле слова, сидел на берегу в полном отупении – удача и способность соображать покинули его одновременно и окончательно. И тут к берегу подплыл Голлум и свистящим шепотом произнес:

– Какое яс-ство, с-сокровище мое!* С-славно, с-славно! Сладкий кус-сочек с-сам идет нам в ручки, голлум, голлум!

Словечко «голлум» он сопровождал отвратительным сглатывающим звуком, за что и получил свое имя – Голлум, хотя сам называл себя не иначе как «сокровище мое».

Когда шипение Голлума достигло ушей хоббита, последний от удивления чуть не выскочил из собственной кожи – и в следующий миг увидел перед собой два бледных глаза, уставившихся прямо на него.

– Ты кто такой? – выдавил из себя Бильбо, выставив меч.

– Ш-што с-сие такое, с-сокровище мое, а? – прошепелявил Голлум (он привык обращаться к самому себе, так как больше было не к кому). Дело в том, что Голлум еще не успел достаточно проголодаться и явился на берег из чистого любопытства; в противном случае он сперва свернул бы хоббиту шею, а зашепелявил бы уже потом.

– Я – Бильбо Бэггинс. Я потерял гномов, потерял волшебника и вообще не знаю, где я. Да и знать не хочу – лишь бы выбраться отсюда!

– А ш-што это за гадость у него в ручках? – прошипел Голлум, глядя на меч, который ему не очень-то нравился.

– Как что? Меч из Гондолина!

– С-с-с-с! – засвистел Голлум и стал заметно вежливее. – Может, присядем, с-сокровище мое, побеседуем? Может, оно загадки уважает? Загадки?

Он изо всех сил старался изобразить дружелюбие – до поры до времени, конечно. Просто ему надо было пообстоятельнее разобраться с этим мечом, а особенно с этим хоббитом: правда ли он тут один, и съедобный ли он, и стоит ли с ним возиться – к тому времени Голлум еще не успел проголодаться как следует. Ну а кроме загадок, он ничего придумать не смог*. Загадывать загадки, а иногда и отгадывать, было единственной игрой, в которую ему доводилось играть когда-то с некими забавными созданиями, жившими, как и он, в норах; только было это очень давно, еще до того, как он потерял всех своих друзей, стал изгнанником и, оставшись один, заполз глубоко-глубоко под горы, в самую темень.

– Хорошо! – согласился Бильбо, решив не особенно перечить – до поры до времени, конечно, пока не разберется с этой тварью пообстоятельнее: одна ли она здесь, не слишком ли злобная, не голодна ли и не в союзе ли с гоблинами.

– Чур, ты первый! – выпалил хоббит, так как еще не успел придумать подходящую загадку. И Голлум прошипел:

Подош-шва ес-сть, а не с-сапог —
Под небеса вздымаяс-сь,
Вс-се поднимается она,
Ничуть не поднимаяс-сь.

– Это просто! – сразу сообразил Бильбо. – Гора, конечно!

– Прос-сто ему? Тогда пус-сть у нас будет состязание, с-сокровище мое! Ес-сли мы с-спросим, а оно не ответит, мы с-съедем его, да-да, сокровище мое! А ес-сли оно нас-с с-спросит, а мы не ответим, тогда мы сделаем то, о чем оно прос-сит. Мы покажем ему дорогу, да-да, сокровище мое, договорились?

– Договорились! – ответил Бильбо, не смея отказаться. Он лихорадочно вспоминал все известные ему загадки: теперь только они могли спасти его от зубов Голлума!

Тридцать белых жеребцов
На пригорке алом,
Закусивши удила,
Мчат галопом шалым.

Табунком они летят
И топчут вместе,
А присмотришься – стоят
Все на том же месте!*

Ничего лучшего хоббиту придумать не удалось, все его мысли вертелись вокруг еды – ведь он сам теперь мог в нее превратиться! Загадка была, как вы понимаете, «с бородой», так что Голлум, разумеется, знал ответ не хуже вашего.

– С-старье! – просвистел Голлум. – Зубсы! Зубсы, сокровище мое! Но у нас их только ш-шес-сть! И Голлум задал вторую загадку:

Без крыльев летает,
Без пас-сти кусает,
Без пальцев он с-свищет
И по с-свету рыщет.

– Минуточку! – воскликнул Бильбо. Он все еще не мог отделаться от мысли, что его вот-вот съедят. На его счастье, что-то похожее он уже слышал раньше; хоббит напряг свою память и сразу же вспомнил: – Ветер! Конечно, ветер!

Бильбо был так доволен собой, что тут же сочинил новую загадку («Пусть помучается эта подземная каракатица!» – подумал он со злорадством):

Сокрушался как-то раз
Глаз на синем поле,
Увидав в низине глаз
На зеленом поле:
«Мы друзья, да вот беда —
Не спуститься мне туда!»

– С-с-с-с! – зашипел Голлум.

Он жил под землей безвылазно уже много, много лет и почти забыл о подобных вещах, то есть в буквальном смысле забыл обо всем на свете. Но когда Бильбо уже начал надеяться, что это чучело так и не догадается, о чём речь, Голлум вспомнил, как много, много веков назад жил со своей бабушкой в норе на берегу речки, и...

– С-с-с-с, с-сокровище мое! – прервал он наконец молчание. – С-солнце и подс-солнух! Вот ш-што!

Как бы ни были заурядны эти «наземные» загадки, Голлума они порядком утомили. Кроме того, они напомнили ему о тех далеких днях, когда он был еще не так одинок, не так

подл и гадок, и тем самым испортили ему настроение, хуже того – пробудили в нем голод. На этот раз он придумал загадку потрудней и пострашней:

Не уловиш-шь это ухом,
Не отыщеш-шь это нюхом,
Не дотронеш-шься рукой —
Всякий он и никакой.

Залегает в звездных с-сферах
И хоронитс-ся в пещерах;
Он начало и конец —
С-смертного меча кузнец!

К несчастью для Голлума, Бильбо уже где-то слышал нечто в этом роде, а кроме того, за ответом не нужно было ходить далеко – он был повсюду.

– Мрак! – уверенно сказал хоббит, даже не наморщив лба и не почесав в затылке. И сразу же задал новую загадку:

Ларчик без ключа закрыт —
Слиток золота хранит.

Бильбо решил просто выиграть время для того, чтобы в следующий раз придумать по-настоящему трудную загадку. А эту он считал совсем простенькой, несмотря на то что несколько переиначил ее на свой лад. Однако против всяких ожиданий она привела Голлума в явное замешательство. Он шипел, пыхтел, бормотал себе что-то под нос – и все не мог догадаться.

Бильбо начал терять терпение.

– Ну так как? – не выдержал он. – Судя по твоему пыхтению, ты, верно, решил, что речь идет о кипящем чайнике!

– Дай нам подумать. Пус-сть нам дадут подумать, с-сокровище мое!

– Ну? – повторил Бильбо после некоторой паузы, которую он счел вполне достаточной. – Говори!

И Голлум вдруг вспомнил! Вспомнил, как лазал когда-то по деревьям и разорял птичьи гнезда, а потом сидел на берегу реки и учил свою бабушку, учил бабушку, как высасывают...*

– Яйтс-со! – прошипел он, – Яйтс-со, вот ш-што это такое! И он задал новую загадку:

И не дышит, а живет,
Жажды нет, а воду пьет,
Холоднее, чем гранит,
И в броне, а не звенит*.

Голлум, в свою очередь, считал эту загадку совсем простенькой, тем более что ответ все время вертелся у него в голове, но предыдущая загадка про яйцо потребовала от него такого напряжения, что ничего лучшего никак не припоминалось. Однако хоббиту пришлось крепко поломать над ней голову, тем более что он всегда старался держаться от воды как можно дальше – если удавалось. Вы, наверное, знаете отгадку или уже догадались; но ведь вы сидите дома, в тепле и уюте, и никто не мешает вам сосредоточиться, не стоит над душой и не угрожает съесть вас. Бильбо сел на камень и разок-другой откашлялся, но на ум по-прежнему ничего не приходило.

Вскоре довольный собой Голлум прошипел, обращаясь к самому себе:

– А оно вкус-ное, с-сокровище мое? С-сочное? А может, оно восхитительно х-хрустящее? – И Голлум уставился на Бильбо из темноты.

– Еще чуть-чуть, – взмолился хоббит, дрожа от страха. – Я же дал тебе в прошлый раз время подумать!

– Пус-сть оно поторопитс-ся, поторопитс-ся! – со значением прошипел Голлум и начал потихонечку вылезать из челнока на берег, подбираясь поближе к Бильбо. Но едва Голлум опустил в воду свою длинную перепончатую лапу, как оттуда выскочила перепуганная рыбка и упала на камни прямо к ногам хоббита.

– Ой! – воскликнул Бильбо. – Холодная! – И тут его осенило. – Рыба! Рыба! – закричал он. – Это рыба!

Голлум был весьма раздосадован. А Бильбо, не теряя времени, тут же задал новую загадку, так что Голлуму не оставалось ничего другого, как вернуться в челнок и снова думать.

На одной без ног лежала,
Рядом сели две на трех,
И от двух с одной упало
Кое-что для четырех.

Бильбо выбрал не самое подходящее время для этой загадки, но уж больно он торопился. В другой ситуации Голлум, пожалуй, и поломал бы себе голову в поисках ответа, но тут, когда речь только что шла о рыбе, это «без ног» он раскусил в два счета, а остальное было, как говорится, делом техники. «На одноногом столике лежит рыба, которую ест человек, сидящий на трехногой табуретке, а кости получает кошка» – таков ответ, и Голлум не замедлил его найти. После этого Голлум решил, что пришла пора спросить о чем-нибудь по-настоящему трудном и страшном, он немного помешкал – и вот какую он загадал загадку:

Вс-се ш-што ни попадя с-сожрет —
Траву, кус-старник, зверя, птицу;
Железо ржавое с-сгрызет
И камень с-сложет по крупичам.
И города, и горы рушит,
И королей в объятых душ-шит*.

Бедный Бильбо сидел во мраке и перебирал в уме имена всех ужасных великанов и людоедов, о каких ему только доводилось слышать в разных страшных историях, но ни один из них не годился, так как не мог сотворить столько бед сразу. У хоббита было ощущение, что ответ лежит где-то рядом и что он, Бильбо, ищет его совсем не там, где надо, но в голове у него словно что-то заклинило. Ему становилось все страшнее, а это, как вы понимаете, никак не помогало думать. Тем временем Голлум вновь начал вылезать из челнока. Вот он уже спустил ноги за борт и зашлепал к берегу... Бильбо увидел приближающиеся к нему из темноты бледные светящиеся глаза... Язык у него прилип к нёбу, во рту пересохло. Хоббит попытался крикнуть; «Дай мне время подумать! Дай мне время!» – но смог только жалобно пропищать:

– Время! Время...

Бильбо спасся по чистой случайности – именно в этом слове и заключалась разгадка!

Голлум был раздосадован пуще прежнего; более того, он начинал злиться, да и вообще, игра ему уже порядком надоела. Но главное – он почувствовал, что зверски проголодался. На этот раз в челнок он возвращаться не стал, а уселся в темноте, рядом с Бильбо. В таком соседстве хоббит почувствовал себя в высшей степени неудобно, и в голове у него все перемешалось.

– Пус-сть оно спрос-сит нас-с, пус-сть с-спросит, с-сокровище мое! – прошипел Голлум.

Но Бильбо, как назло, начисто потерял всякую способность загадывать загадки – что вполне понятно, когда рядом с тобой сидит мерзкого вида холодное страшилище и норовит то прикоснуться к тебе, то пощупать мокрой лапой. Хоббит царапал себя, щипал – все напрасно: голова не варила – и все тут!

– С-спрос-си нас-с, с-спрос-си! – сипел Голлум.

А Бильбо все щипал себя и хлопал руками по бокам. Одна его рука легла на рукоять меча, другая полезла в карман и... наткнулась на кольцо, которое хоббит не так давно подобрал на полу туннеля; Бильбо совсем позабыл о нем.

– Что у меня в кармане? – сказал он вслух.

Он произнес это случайно, но Голлум решил, что это очередная загадка, и ужасно беспокоился.

– Это нечес-стно, нечес-стно! – прошипел он. – Нечес-стно, с-сокровище мое, не по правилам спрашивать, ш-што у него в карманс-сах, в грязных, парш-шивых карманс-сах!

Бильбо наконец понял, что произошло, но, поскольку ничего другого так и не придумалось, он решил стоять на своем.

– Что у меня в кармане? – твердо повторил он.

– С-с-с! – зашипел Голлум. – Пус-сть оно дас-ст нам три попытки, с-сокровище мое, три попытки!

– Согласен, – быстро сказал Бильбо. – Начинай!

– Рука? – неуверенно предположил Голлум.

– Нет! – ответил Бильбо. На его счастье, руку из кармана он успел вынуть. – Давай еще раз!

– С-с-с! – снова зашипел Голлум, как никогда встревоженный.

Он принялся перебирать в уме все, что могло быть в кармане у него самого: рыбы кости, зубы гоблинов, мокрые ракушки, обломок крыла летучей мыши, кусочек кремня для заточки клыков и прочая дрянь... Затем он стал вспоминать, что бывает в карманах у других.

– Нож! – выдавил он наконец.

– Нет! – ответил Бильбо: нож он недавно потерял. – Последняя попытка!

На этот раз Голлуму пришлось потруднее, чем с «яичной» загадкой. Он шипел, плевался, раскачивался взад и вперед, шлепал лапой по камням, ерзал и корчился – но никак не мог решиться использовать последнюю попытку.

– Ну говори же! Я жду! – поторопил его Бильбо.

Он храбрился и старался не показать виду, что боится, хотя далеко не был уверен в благоприятном исходе игры независимо от того, догадается Голлум или нет.

– Все! Время истекло! – не выдержал хоббит.

– Ш-шнурок или пус-сто! – взвизгнул Голлум.

А это было уже не совсем честно: две попытки в одной!

– Нет и нет! – победно воскликнул Бильбо и перевел дух, но тут же вскочил, прижался спиной к стене и выставил перед собой меч.

Разумеется, хоббит знал, что игра в загадки уходит корнями в глубокую древность, что это, вообще говоря, дело святое и что даже самые нехорошие твари боятся в этой игре прибегать к обману. Но он прекрасно понимал и то, что этому скользкому Голлуму доверять ни в коем случае нельзя: чтобы вывернуться, такой на все пойдет. Тем более если строго придерживаться древних правил игры, последний вопрос загадкой никак не являлся.

Как бы то ни было, Голлум поостерегся нападать на хоббита сразу. Как-никак в руке у того был меч! Голлум сидел на месте, подергивал плечами и что-то бормотал. Наконец хоббиту надоело ждать.

– Ну так что? – спросил он раздраженно. – Как насчет твоего обещания? Я хочу выбраться отсюда, а ты обещал показать мне дорогу!

– Разве мы так с-сказали, с-сокровище мое? Мы обещали вывес-сти этого мерзкого Бэггинса к воротам? А ш-што все-таки у него в карманс-сах? Не ш-шнурок и не пус-сто, с-сокровище мое? А ш-што же, голлм, голлм!

– Какая разница? – в сердцах бросил Бильбо. – Обещал – так выводи!

– С-сердитый какой, с-сокровище мое! Ему не терпится! – зашипел Голлум. – Придется подождать, подождать, да. Мы не можем так с-сразу брос-саться в туннель, не можем. Нам нужно с-сначала с-сходить за одной вещицей, да, очень нужной нам вещицей.

– Тогда поторапливайся! – сказал Бильбо; он с облегчением подумал, что вот-вот отделается от Голлума; наверняка тот сейчас удерет – и поминай как звали! Что он там бормочет? Какую такую вещицу мог он забыть посреди этого таинственного озера?.. Но Бильбо ошибался. На самом деле Голлум собирался вернуться, и как вернуться! Он успел и разозлиться, и как следует проголодаться. А кроме того, он был тварью на редкость подлой и бессовестной, и в голове у него созрел коварный план.

Его остров (о существовании которого Бильбо даже не догадывался) находился совсем недалеко; там Голлум хранил разные дрянные штуковины и в придачу к ним одну очень красивую вещицу – очень красивую и очень волшебную. Это было кольцо, золотое кольцо, драгоценное кольцо!

– Деньрожденный подарочек! – шептал Голлум по дороге на остров, как часто шептал в течение бесчисленных дней и ночей, которые он провел здесь, в подземном мраке. – Деньрожденный подарочек! Вот ш-што нам с-сейчас нужно, да, да!

Дело в том, что кольцо это было и впрямь волшебным: надень его на палец – и ты невидимка. Заметить тебя можно будет лишь при ярком солнце – по тени! – да и тень-то будет слабая, неотчетливая.

«Деньрожденный подарочек! Подарочек на день рождения, с-сокровище мое!» – вечно приговаривал Голлум. Но кто знает, откуда на самом деле взялся у Голлума этот «подарочек»? Тем более что случилось это давным-давно, когда такие кольца еще не перевелись в мире. Вероятно, даже сам Хозяин Колец, повелевавший всеми подобными кольцами, не мог бы пролить свет на эту тайну. Поначалу Голлум носил кольцо на пальце – до тех пор, пока оно не стало ему мешать; тогда он приноровился прятать его в особом мешочке на груди – пока шнурок не натер шею; теперь Голлум обычно хранил кольцо на острове, в укромной ямке, и часто проверял: на месте ли? Надевал он его теперь редко, но все-таки надевал, когда совсем уже становилось невмоготу без него или когда очень-очень проголодается, а на рыбу уже и смотреть тошно. Тогда он покидал свое убежище и крался по темным туннелям, выслеживая неосторожных гоблинов. Иногда у него хватало духу заглядывать даже туда, где горели факелы; правда, свет их слепил его, и глазам было больно, но сам Голлум оставался в безопасности! О да, в полной безопасности! Никто не видел и не замечал его до тех пор, пока его пальцы не смыкались на горле очередной жертвы. Всего несколько часов назад он ходил на охоту с кольцом и поймал гоблиненка. Ну и верещал же тот! У Голлума еще и теперь оставалась про запас пара косточек, но ему хотелось чего-нибудь поосновательнее.

– Ничего опас-сного нету, – бормотал Голлум. – Оно не увидит нас, с-совсем не увидит, с-сокровище мое, правда ведь! Да! Оно не увидит нас-с и напрас-сно будет махать с-своим мерзким мечом, напрас-сно!

Вот какие гадкие мысли роились в его маленькой голове*, когда он внезапно шагнул в сторону от Бильбо, зашлепал к челноку и исчез во мраке. Бильбо решил, что никогда в жизни больше о нем не услышит. Как бы то ни было, он почел за лучшее немного подождать – ведь у него по-прежнему не было ни малейшего представления о том, как выбраться отсюда без проводника.

И вдруг Бильбо услышал дикий вопль, от которого у него мурашки по спине побежали. Голлум выл и сыпал проклятиями – причем где-то совсем рядом. Он добрался до своего острова и теперь метался по нему в бесплодных поисках.

– Где оно? Куда оно ис-счезло?! Проклятсие, треклятсие, рас-спроклятс-сие! С-сокровище ис-счезло! С-сокровище!

– Что случилось-то? – крикнул Бильбо. – Что ты там потерял?

– Пус-сть оно нас не с-спрашивает! – взвизгнул Голлум. – Его это не касается, не касается, голлим, голлим! Оно потерялос-сь! Голлим, голлим, голлим!

– Я тоже потерялся! – обиделся Бильбо. – И хочу найтись! Я выиграл, а ты обещал меня отсюда вывести! Иди немедленно сюда! Иди и выведи меня наружу! Потом поищешь!

Судя по воплям, Голлума постигло ужасное горе, но Бильбо не нашел в своем сердце ни капли жалости: он сильно подозревал, что эта столь необходимая Голлуму вещь не сулит ему, Бильбо, ничего хорошего.

– Иди сюда! – крикнул Бильбо еще раз.

– Нет еще, нет, с-сокровище! – откликнулся Голлум. – Нужно поис-скать еще, голлим, голлим!

– Но ведь ты не ответил на мой последний вопрос, и ты обещал! – требовал Бильбо.

– Не ответил?! – повторил Голлум – и вдруг испустил сиплое шипение: – А ш-што, ш-што у него в кармансах? Пусть оно с-скажет! Пус-сть с-сначала с-скажет, а там пос-смотрим!

По правде говоря, у Бильбо не было особых причин не сказать Голлуму правды. Но Голлум уже понял, в чем дело, да и немудрено – ведь Голлум трясся над своим единственным сокровищем много долгих веков и каждый день боялся, как бы колечко не выкрали... Ну а Бильбо тем временем начал терять терпение. В конце-то концов, он выиграл, и выиграл сравнительно честно, да еще с риском для жизни... И он крикнул в темноту:

– Хитрый какой! Догадайся сам – на то и загадка!

– Нечес-стная загадка! – взвизгнул Голлум. – Вообще не загадка! Просто вопрос-с, вопрос-с, с-сокровище мое!

– Ах так? Ну ладно! Если мы заговорили о вопросах, то я, между прочим, спросил первый! Что ты потерял? Говори!

– Ш-што, ш-што у него в кармансах? – повторил Голлум вместо ответа.

Его шипение становилось все громче и пронзительнее, и хоббит увидел, что из темноты в него вперились две светящиеся точки, – вместе с подозрением разгорался и бледный огонь в глазах Голлума.

– Так что же ты потерял? – не отставал Бильбо.

Но глаза Голлума уже вспыхнули новым, зеленым огнем и начали быстро приближаться: Голлум сел в челнок и бешено греб к темному берегу. Пропажа и жестокие подозрения привели его в такую ярость, что теперь никакой меч не остановил бы его.

Бильбо никак не мог взять в толк, что так взбесило эту гадкую тварь, но вовремя почувствовал, что дело принимает скверный оборот и Голлум вознамерился убить обидчика во что бы то ни стало. Хоббит повернулся спиной к озеру и бросился обратно в темный туннель, не забывая держаться поближе к стене и касаясь ее на бегу левой рукой.

– Ш-што у него в кармансах? – услышал он у себя за спиной разъяренное шипение и всплеск, свидетельствовавший о том, что Голлум вылез из челнока.

«А и в самом деле, что это за колечко?» – подумал Бильбо, тяжело дыша и спотыкаясь на бегу. Он сунул правую руку в карман, и ледяное на ощупь колечко тихо скользнуло ему на указательный палец.

Шипение раздавалось уже прямо за спиной хоббита. Он обернулся и увидел за собой два светящихся глаза. Бильбо в ужасе прибавил ходу, но тут в очередной раз споткнулся и грохнулся на живот, причем меч оказался прямо под ним.

Тут-то Голлум и настиг его. Но Бильбо не успел и дух перевести, не говоря уже о том, чтобы вскочить и выставить перед собой меч, а Голлум на всех парах промчался мимо, не обратив на хоббита никакого внимания. На бегу он бранился и что-то бормотал.

Как же так? Ведь Голлум отлично видел в темноте! Даже сейчас, глядя вслед удаляющемуся Голлуму, Бильбо различал бледный свет его глаз. Хоббит с трудом встал, вложил меч в ножны – клинок опять слегка светился – и осторожно двинулся за Голлумом. А что было делать? Не возвращаться же назад, к озеру!

Как знать, может, Голлум, сам того не желая, как-нибудь и выведет его отсюда?

– С-смерть! С-смерть Бэггину! – шипел Голлум на бегу. – Оно ис-счезло! Ш-то у него в кармансах? О, мы догадались, догадались, с-сокровище мое! Он нашел его, да, по всему видать! Мой деньрожденный подарочек!

Бильбо наострил уши. Наконец-то до него стало понемногу доходить, что случилось на самом деле. Он прибавил шагу, стараясь, насколько хватало духу, держаться поближе к Голлуму, а тот мчался дальше, не оборачиваясь и лишь поглядывая по сторонам, о чем можно было судить по слабым отсветам его глаз на стенах туннеля.

– Деньрожденный подарочек! Проклятс-сие! Как же оно потерялось, с-сокровище мое? Теперь нам вс-се яс-сно, все, все яс-сно, да! Мы потеряли его в прош-шлый раз, когда с-свернули шею тому сопливому пис-скуну, да, да! Проклятс-сие! Оно усскользнуло от нас-с, да, после с-стольких лет, с-стольких лет! Оно ис-счезло, голлм, голлм!

Неожиданно Голлум сел на камни и разрыдался. Слушать его сопение и горловое бульканье было просто невыносимо. Бильбо остановился и прижался к стене. Вскоре Голлум перестал рыдать и принялся бормотать себе под нос, как будто споря сам с собой:

– Нет никакого с-смысла ис-скать дальше, нет, нет. Разве упомнишь вс-се мес-ста, где мы побывали? Бес-сплезно! Оно у Бэггина в кармансах! Этот гаденыш нашел его, да, да! Хотя вес-сьма с-сомнительно, с-сокровище мое, с-сомнительно. Откуда нам знать, пока мы не с-схватим его и не с-свернем ему шею? Он ведь не знает, ш-што нужно делать с подарочком, нет, не знает. Оно с-сейчас у него в кармансах, в кармансах. Он не знает, ш-што делать, и не уйдет далеко, нет! Бэггинс потерялся, да, парш-шивец потерялся, не знает дороги отс-сюда, он с-сам так с-сказал, с-сам! С-сказал-то сам, но он хитренький, хитренький, да! Он не сказал, не сказал, ш-што у него в кармансах! Он знает, знает дорогу сюда, значит, знает дорогу и отсюда! Он побежал к задним воротсам, яс-сно. К задним воротс-сам! А там его схватят гоблинсы, да! Там он не проскочит, с-сокровище мое! С-с-с! Голлм, голлм! Гоблинсы! Но если он и правда с-стацил наш подарочек, то он достанется гоблинсам, голлм, голлм! Они отберут его у Бэггина и догадаются, ш-што с ним нужно делать. Тогда прощай наша безопас-ность, голлм, голлм! Кто-нибудь из гоблинсов наденет его и станет невидимым. Никуда не денется, а увидеть его будет нельзя! Даже наш-ши зоркие глазки не увидят его. Он исхитрится, подползет и схватит нас, голлм, голлм! Довольно болтать, с-сокровище мое, нужно торопиться! Если Бэггинс проскочил здесь, нужно спешить! Тут недалеко, нужно с-спешить.

Голлум вскочил и огромными прыжками помчался по туннелю. Бильбо последовал за ним, но осторожно, чтобы не споткнуться снова и не наделать шума. В голове у него перемешались надежда и изумление. Похоже, что кольцо-то волшебное – оно делает невидимым! Конечно, Бильбо слышал о таких штуках и раньше, в старых-старых сказках, но ему с трудом верилось, что он нашел именно такую вещь, да еще по чистой случайности. И тем не менее! Ведь остроглазый Голлум пробежал мимо него – причем в двух шагах!

Бранясь и шипя, Голлум шлепал по туннелю, а Бильбо поспешал следом; ступал он совершенно бесшумно, как умеют ступать хоббиты. Вскоре они добрались до уже знакомого Бильбо места, где от главного туннеля отходили боковые ходы. Голлум сразу же начал считать их:

– Один налево, так. Один направо, так. Два направо, так, так, два налево...

По мере того как счет возрастал, Голлум двигался все медленнее, начиная понемногу поживать и причитать: озеро осталось далеко позади, и Голлуму становилось страшно. Гоблины могли появиться в любую минуту, а кольца с ним уже не было... Наконец Голлум остановился возле низкого прохода, темневшего в левой стороне туннеля.

– С-семь направо, так, так, хорошо. Ш-шесть налево, – прошептал он. – Здесь! Дорога к задним воротсам!

Он заглянул в проход – и отшатнулся.

– Нет, мы не пойдем туда, с-сокровище мое, не пойдем! Там гоблинс-сы, да, гоблинсы! Много гоблинсов! Мы чуем их, да! С-с-с-с! Ш-ш-ш! Ш-што будем делать? Ш-штоб им лопнуть, этим гоблинсам! Мы будем ждать здес-сь, с-сокровище мое, здес-сь! Подождем и пос-смотрим, да!

На этом дело и встало. Голлум привел Бильбо к выходу, но выйти хоббит не мог! Согнувшись в три погибели, Голлум уселся прямо в проходе. Опустив голову ниже колен, он поворачивался то в одну, то в другую сторону, и глаза его горели холодным огнем.

Бильбо отделился от стены тише мыши. Но Голлум мгновенно насторожился, потянул носом воздух, и в глазах у него вспыхнуло зеленое пламя. Он зашипел тихо, но угрожающе. Видеть хоббита он не мог, но был начеку, и у него оставались другие чувства, кроме зрения, – слух и нюх! Причем долгая жизнь в темноте сильно обострила их. Уперевшись плоскими лапами в землю, Голлум напрягся и вытянул шею так, что его нос почти коснулся камней. Несмотря на то что в темноте Голлум выглядел черной тенью, едва различимой в бледном свете его собственных глаз-плошек, Бильбо почувствовал, что тот, подобно натянутой тетиве, в любую минуту готов прыгнуть вперед.

Хоббит затаил дыхание и тоже напрягся. Он был в отчаянии. Нужно выбираться из этой проклятой темноты, пока еще есть силы. Нужно пробиваться! Ударить эту гадкую тварь мечом, выколоть ей глаза, убить! Ведь Голлум хотел убить Бильбо... Но бой-то ведь будет нечестным: хоббит невидим, и к тому же у Голлума нет меча. Если смотреть правде в глаза, тот еще не пытался убить Бильбо, не угрожал ему впрямую. И потом, он такой несчастный, такой одинокий, всеми покинутый... Хоббит ощутил прилив сочувствия и жалости, смешанной со страхом: на мгновение ему представилась однообразная череда беспросветных дней, ожидавших Голлума, – никакой надежды на лучшее будущее, только жесткие камни, холодная рыба, скитания в подземельях да бесконечное бормотание... Бильбо содрогнулся. Но в следующее мгновение у него словно сил прибавилось. Исполнившись внезапной решимости, он прыгнул!

По человеческим меркам прыжок был так себе, но следует учесть, что то был прыжок в неизвестность. Бильбо пролетел прямо над головой Голлума. Три локтя в высоту и семь в длину! Знал бы хоббит, что лишь чудом не раскроил себе череп о низкий свод бокового туннеля!

Не успел Бильбо перелететь через Голлума, как тот сообразил, в чем дело, откинулся и сгреб воздух позади себя – но слишком поздно! Бильбо приземлился на ноги – а ноги у него были крепкие – и во весь дух помчался по туннелю! Он не стал оборачиваться, чтобы посмотреть, что делает Голлум. Поначалу за спиной слышались проклятия и шипение, но вскоре все стихло. И вдруг позади раздался вопль, от которого у Бильбо чуть кровь в жилах не застыла, – вопль, полный ненависти и отчаяния. Голлум потерпел поражение! Он не осмеливался идти дальше. Все было для него кончено: он упустил добычу, а главное, потерял то единственное, что было ему дорого, что он любил, – свое сокровище! От вопля Голлума сердце у Бильбо чуть не выпрыгнуло наружу, но останавливаться хоббит не стал. До ушей его донесся приглушенный, слабый, как эхо, крик:

– Вор, вор, вор! Бэггинс – вор! Ненавидим! Ненавидим! На веки вечные!

И – тишина. Но и в тишине хоббиту чудилась угроза. «Если Голлум учуял гоблинов, значит, они близко, – подумал Бильбо, – и наверняка слышали, как он вопит и ругается. Надо держать ухо остро, а то как бы не нарваться на что похуже».

Туннель был низкий и грубо вырубленный. Идти по нему оказалось не так уж и трудно; правда, несмотря на все предосторожности, Бильбо несколько раз споткнулся об острые камни и снова отшиб себе пальцы на ногах.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.